

КРИСТОФЕР
ПАОЛИНИ

ПО ТУ СТОРОНУ
ЗВЕЗД

КНИГА 2

«ПОРАЖАЕТ ПОТУСТОРОННИМИ КРАСОТАМИ
И НЕЗЕМНЫМИ КОШМАРАМИ» – **NEWSWEEK.**

По ту сторону звезд

Кристофер Паолини

По ту сторону звезд. Книга 2

«РОСМЭН»

2020

УДК 821(94)-312.9
ББК 841-445.12

Паолини К.

По ту сторону звезд. Книга 2 / К. Паолини — «Росмэн»,
2020 — (По ту сторону звезд)

ISBN 978-5-353-09924-6

Новый проект от Кристофера Паолини – автора легендарного цикла «Эрагон». Кира Наварес всегда мечтала сделать какое-нибудь потрясающее открытие в новых мирах. Однажды во время обычной исследовательской миссии она находит инопланетную реликвию, однако ее восторг оборачивается настоящим ужасом. В то время как Кира борется со своими собственными кошмарами, Земля и ее колонии оказываются на грани уничтожения. Теперь Кира может стать величайшей и последней надеждой человечества...

УДК 821(94)-312.9

ББК 841-445.12

ISBN 978-5-353-09924-6

© Паолини К., 2020

© Росмэн, 2020

Содержание

Часть четвертая	6
Глава I	6
1	6
2	9
3	10
4	14
5	17
Глава II	21
1	21
2	23
3	24
4	26
5	29
6	29
Глава III	31
1	31
2	32
3	35
4	38
5	40
6	49
7	51
Глава IV	56
1	56
2	60
3	62
4	64
5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Фрактально-поэтическая эпопея

Кристофер Паолини
По ту сторону звезд. Книга 2

КАК ВСЕГДА, ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ СЕМЬЕ

*А также ученым, инженерам и мечтателям, которые готовят
нам будущее среди звезд*

От автора цикла

«ЭРАГОН»

Эрагон

Эрагон. Возвращение

Эрагон. Брисингр

Эрагон. Наследие

Эрагон. Вилка, ведьма и дракон

Christopher Paolini

TO SLEEP IN A SEA OF STARS

Copyright © Christopher Paolini, 2020

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency.

© Л. Б. Сумм, перевод, 2022.

© ООО «РОСМЭН», 2022

Часть четвертая Fidelitatis¹

Мы родились не только для себя².
ЦИЦЕРОН

Глава I Разлад

1

Кира открыла глаза.

Почему она проснулась? Какая-то перемена на корабле пробудила Кроткий Клинок, а он пробудил ее. Почти неуловимое колебание воздуха, циркулирующего внутри «Рогатки». Отдаленный рокот оживающей техники. Легкое снижение температуры: уже не так невыносимо душно. Что-то поменялось.

Раздался сигнал тревоги, и Кира взглянула на шлюз. Инопланетянин, Итари, по-прежнему был внутри шлюза, как и полагалось, внутри сплетенного им кокона, едва различимый в тускло-красном свете долгой корабельной ночи.

Кира с облегчением выдохнула. По правде говоря, у нее не было никакого желания вступать в схватку с медузой.

– Г-грегорович? – окликнула она.

Голос у нее был проржавелым, словно старый гаечный ключ. Она откашлялась и позвала разум корабля еще раз, но тот не ответил. Кира зашла с другого боку:

– Морвен, ты здесь?

– Да, мисс Наварес, – ответил искусственный интеллект «Рогатки».

– Где мы? – хрипло прошептала Кира – настолько пересохло в горле. Она попыталась сглотнуть, хотя во рту почти не было слюны.

– Только что мы прибыли к месту назначения, – сказала Морвен.

– К Солнцу... – выдавила из себя Кира.

– Совершенно верно, мисс Наварес. Мы в Солнечной системе. «Рогатка» вышла из сверхсветового пространства четыре минуты и двадцать одну секунду назад. После прибытия запущены стандартные процессы. Капитан Фалькони и другие члены экипажа скоро проснутся.

Им удалось. Им вправду удалось. Кира и подумать боялась, что могло произойти с тех пор, как они покинули систему Шестьдесят первой Лебеда шесть месяцев назад.

Едва верилось, что они провели в пути полгода. Чудеса анабиоза, пусть даже не в криокамере.

– Кто-то вышел на связь? – спросила она.

– Да, мисс Наварес, – почти мгновенно ответила Морвен. – Поступило четырнадцать сообщений с наблюдательных станций ОВК. Я объяснила, что экипаж в настоящее время нахо-

¹ Верность, преданность (латынь, родительный падеж). – Здесь и далее прим. перев.

² Фраза из трактата «Об обязанностях», где Цицерон вольно цитирует письмо Платона к Архиту: «Любой из нас не принадлежит самому себе: на одну часть нашего существа рассчитывает отечество, на другую – наши родители, на третью – иные друзья; многое нужно уделить обстоятельствам, захватывающим нашу жизнь» (пер. С. П. Кондратьева).

дится в криосне. Однако местные власти настоятельно требуют, чтобы мы сообщили, из какой системы прилетели и какова цель нашего прибытия. Они весьма обеспокоены... мисс Наварес.

– Да-да, – пробормотала Кира.

Фалькони сможет уладить все вопросы с ОВК, когда выйдет из крио. Он дока в таких переговорах. Кроме того, она знала, что капитан никому не доверил бы говорить от имени «Рогатки».

Она стала выбирать из гнездышка одеял и ремней, которое соорудила рядом со шлюзом. Все тело неприятно одеревенело.

Ее рука...

Рука, которую она отсекла на корабле медуз... снова отросла. Пораженная, Кира подняла кисть, чтобы хорошенько рассмотреть ее, разжала и сжала кулак, пошевелила пальцами, еще не веря до конца, что перестала быть калекой.

Нет, ей не привиделось. Рука была вполне материальной. Она осторожно коснулась ее другой рукой, погладила свои пальцы. Прошло всего пять дней с тех пор, как она заснула после очередного пробуждения, и за это время Кроткий Клинок создал идеальную копию той части тела, которой она лишилась.

Или он?..

Внезапно Киру пронзил страх. Глубоко вдохнув, она мысленно сосредоточилась на том, что ощущала тыльной стороной восстановленной ладони, и усилием воли велела Кроткому Клинку отступить.

Тот повиновался, и она тихо вскрикнула, когда ее рука стала втягиваться внутрь тела, тая, словно мороженое в жаркий летний день. Кира пошатнулась, мысли смешались, контроль ослаб. Кроткий Клинок принял прежнюю форму и снова отрастил подобие ее руки. Но эта плоть была чужой.

Слезы застили взгляд, и Кира заморгала, горько переживая утрату.

– Черт, – пробормотала она, злясь на себя. Почему она придает такое значение отсутствию руки? Замена руки или ноги – не бог весть какая проблема.

Нет, все не так просто. Она отождествляла себя со своим телом. Разум и материя для нее были едины. Она и вообразить не могла, что станет однорукой, у нее всегда было две руки, вплоть до столкновения с жутью у Жукхи, и сейчас Кира чувствовала себя неполноценной. Несколько мгновений теплилась надежда, что она обрела цельность, но нет, не судьба.

И все-таки подобие руки у нее теперь было, и это лучше, чем оставаться увечной. А тот факт, что Кроткому Клинку удалось воспроизвести отсутствующую руку, вселял оптимизм. Но почему именно сейчас, не раньше? Наверное, все дело в том, что путешествие близилось к концу и он это знал? Или он решил продемонстрировать, что готов быть союзником и тренировки по пути от Жукхи к Солнцу не прошли даром? Ответа она не знала.

Вне зависимости от того, что двигало чужью, Кира была довольна результатом. Кроткий Клинок действовал по собственной воле, но конструктивно и, возможно, исполняя ее затаенные желания.

Кира стала снова рассматривать восстановленную руку и невольно восхитилась: насколько она могла судить, копия была детальной, близкой к идеалу. Она почувствовала лишь одно отличие: новая рука оказалась чуть-чуть плотнее, чуть-чуть тяжелее. Но разница была несущественной, едва ощутимой.

Кира выбралась из гнездышка, продолжая проверять, насколько подвижны вновь обретенные пальцы. Она решила уточнить, какое сегодня число, попыталась выйти в дополненную реальность – и лишь тогда осознала, что Кроткий Клинок, как и по пути к Жукхе, поглотил ее контактные линзы.

Она не сразу вспомнила о миниатюрном футляре с новой парой линз, которые Вишал распечатал для нее на 3D-принтере. Вытащила футляр из-под одеяла и осторожно надела прозрачные линзы.

Кира заморгала и почувствовала себя комфортнее, когда перед глазами появился знакомый интерфейс. *Вот и все.* Она снова стала полноценным человеком и готова действовать.

подавив желание глянуть новости, Кира покинула шлюз, цепляясь за поручни на стенах, проплыла в центральную часть «Рогатки» и вскарабкалась по главному трапу.

На корабле было по-прежнему так тихо, пусто и темно, что он казался покинутым людьми. Лишь рокот вентиляторов системы жизнеобеспечения напоминал о том, что это не заброшенное судно, сиротливо дрейфующее в космосе бог весть сколько лет. Кира чувствовала себя старьевщицей, шарящей по чужому жилищу... или археологом, изучающим древний мавзолей.

Она вспомнила город на планете Логово, все их страшные открытия. Раздраженно зарычала, покачала головой. Нельзя позволять воображению взять над ней верх.

Когда она спустилась на уровень ниже того, где находилась рубка, прозвучало оповещение о перегрузке. Термоядерный двигатель «Рогатки» с ревом ожил. Кира осторожно поставила ноги на пол и вновь обрела привычное ощущение веса. Теперь снова стало ясно, где верх, а где низ!

Она вздохнула с облегчением, радуясь, что двигатель включился.

Продолговатые лампы замерцали, красное освещение сменилось голубовато-белым сиянием корабельного дня. Свет был болезненно ярким после столь долгого пребывания в угрюмой полутьме, и Кира прикрыла глаза ладонью, ожидая, пока привыкнет к свету.

Когда Кира зашла в штормовое убежище, Фалькони и другие члены экипажа как раз выходили из криосна. Встав на палубу на четвереньки, Воробей отхаркнула, словно кошка, проглотившая комочек шерсти.

– Боже, ненавижу долгие перелеты, – простонала она и вытерла рот.

– Хорошо, что вы проснулись, – сказала Кира.

Фалькони хмыкнул:

– Да уж, с добрым утречком.

Лицо его позеленело, как и у Воробья, и у всех прочих членов экипажа, под глазами круглились синяки. Кира им не завидовала: побочные эффекты столь долгого криосна были нешуточными.

Воробей снова отхаркнула, пошатываясь, встала на ноги, открыла шкафчик и стала одеваться, как и Фалькони, Нильсен и Хва-Йунг. Дольше всех собирался с силами Вишал. Придя в себя, он роздал всем синие пилюли. Кира и сама принимала их не раз. Они помогали справиться с тошнотой и восполнить в организме уровень питательных веществ.

Вишал предложил пилюлю и Кире, но она отказалась.

– Как там обстановка? – спросил Фалькони, обуваясь.

– Я пока не в курсе, – призналась Кира.

Зазвучал веселый голос Грегоровича; подтрунивая, он провозгласил:

– Приветствую вас, милые мои! Добро пожаловать в обитель жизни! Да-да, о да. Мы пережили долгий путь сквозь пустоту. Мы вновь преодолели тьму и выжили, чтобы поведать эту повесть.

Он хохотал так долго, что зазвенело в ушах и весь корабль, казалось, стал подрагивать.

– Хорошо, хоть у кого-то настроение отменное, – сказала Нильсен, закрывая дверцу шкафчика.

Вишал подошел к первому помощнику, наклонился к ее уху и вполголоса что-то спросил.

– Эй, – удивилась Воробей, присмотревшись к Кире. – Откуда у тебя новая рука?

Кира смущенно пожала плечами:

- Кроткий Клинок помог. Она отросла во сне.
- Ха. Поосторожнее, а то не ровен час отвалится.
- Спасибо за заботу.

Все криокамеры были распахнуты, кроме той, где лежал Триг. Кира подошла, чтобы его проведать. Сквозь матовое окошко было видно, что паренек выглядит все так же. На его лице застыла пугающая безмятежность. Могло бы показаться, что он спит, если бы не смертельная бледность кожи.

- Ну, хорошо, – сказал Фалькони, направляясь к двери. – Давайте выясним, что к чему.

2

- Двадцать тысяч чертей полосатых! – не сдержалась Воробей.

Хва-Йунг, которая сидела рядом с ней, нахмурилась и неодобрительно заворчала, не отрывая взгляда от голографического экрана. Все члены экипажа были поглощены изучением новостей.

Фалькони просматривал репортажи со всей Солнечной системы. Следы войны были повсюду. Внутри орбиты Меркурия плавали обломки фермы антиматерии. Вблизи Венеры и Марса болтались фрагменты уничтоженных кораблей. На астероидах купола поселений потрескались и провалились внутрь, словно скорлупки яиц. По всей системе дрейфовали разбитые космические станции, орбитальные кольца и цилиндры О'Нила. Из пробитых резервуаров заправочных станций «Гидротека» били струи горящего водорода. На Земле – не где-нибудь, а *на Земле!* – и Северное, и Южное полушария были изъязвлены взрывными воронками, а часть Австралии чернела огромным ожогом.

Вблизи заселенных планет скопилось множество кораблей и орбитальных платформ. Седьмой флот ОВК сосредоточился у Деймоса – достаточно близко к марковскому пределу, чтобы оперативно выйти в сверхсветовое пространство, но и не слишком далеко от Солнца, чтобы в случае необходимости прийти на выручку защитникам планет земной группы.

Кое-где продолжались бои. Медузы развернули небольшую оперативную базу на периферии системы – на Плутоне. Кроме того, они оккупировали несколько подземных поселений в арктических регионах Марса, укрывшись в туннелях от воздушных атак, но ОВК вело наземные операции, чтобы ликвидировать медуз и попытаться спасти местных жителей. Бедствие в Австралии было существенно серьезнее: там потерпел крушение корабль жутей, их зараженные ткани проникли в почву, стали расползаться, и за несколько часов инфекция крепко укоренилась на континенте. К счастью для Земли, катастрофа разразилась в одной из самых безжизненных пустынь. Орбитальная солнечная батарея немедленно выжгла территорию, так что инфекцию удалось сдержать, но меры противодействия продолжались – предстояло истребить все жутьи ткани до последнего кусочка.

Масштаб нанесенного ущерба был невероятным.

- О Боже, – сказал Вишал и перекрестился.

Даже Фалькони выглядел ошеломленным.

Нильсен открыла ленту новостей с Венеры и тяжело вздохнула. Кира мельком увидела заголовок: «Падающий город...»

– Мне нужно позвонить, – сказала первый помощник капитана. Ее лицо смертельно побледнело. – Удостовериться, что... что...

- Иди, – кивнул Фалькони и похлопал ее по плечу. – Нам пока есть чем заняться.

Нильсен ответила ему благодарным взглядом и поспешно покинула рубку.

Кира встревоженно переглянулась с членами экипажа. Если в Солнечной системе дела так плохи, то что же происходит в колониях Лиги? Вейланд! Она пыталась побороть внезапный приступ отчаяния.

Но едва она открыла ленту новостей с Вейланда, вмешался Грегорович:

– Кхм, позвольте дать добрый совет: лучше ответить ОВК, пока они не наделали глупостей. Они грозят нам всеми мыслимыми видами насилия, если мы немедленно не предоставим информацию о нашем рейсе и не проясним наши намерения.

Фалькони вздохнул:

– Да, лучше это уладить. Они знают, кто мы такие?

Разум корабля захихикал, не особо весело:

– Определенно да, судя по тому, как настырно они добиваются ответа.

– Прекрасно. Выйди с ними на связь. Я готов говорить.

Кира, сидевшая в задней части рубки, слушала, как Фалькони ведет переговоры с кем-то из военных.

– Да... – сказал он. – Нет... Все верно. Корабль ОВК «Дармштадт»... Грегорович, ты... Ага. Она здесь... Ясно. Вас понял. Конец связи.

– Ну что? – спросила Кира.

Фалькони потер лоб и переглянулся с ней, Воробьем и Хва-Йунг. Круги под его глазами, казалось, стали темнее.

– Шутки шутить они с нами не намерены, так что все еще впереди. ОВК приказывает как можно быстрее состыковаться со станцией «Орстед».

– Это далеко? – нахмурилась Кира.

Прежде чем она успела проверить в дополненной реальности, Фалькони ответил:

– Семь часов лететь.

– «Орстед» – это кольцевая станция на орбите Ганимеда, одного из спутников Юпитера, – сказала Воробей. – Основной плацдарм ОВК.

Разумный выбор местоположения. Марковский предел в Солнечной системе находится как раз вблизи орбиты Юпитера. Кира твердо помнила это из школьных уроков астрономии, хотя в целом о Солнечной системе знала мало.

– Ты не рассказал им, что у нас на борту медуза? – спросила Кира.

Фалькони сделал большой глоток из бутылки с водой.

– Нет. Не хочу их раньше времени тревожить. Думаю, мы как-нибудь это уладим.

– Они взбесятся, когда узнают, – заметила Кира.

– Безусловно.

По внутренней связи раздался голос Хоуса, огрубевший после крио:

– Капитан, мы покинули криокамеры, но нам нужна медуза, чтобы размотать эти чертовы коконы на моих бойцах. Мы бы разрезали их сами, но не уверен, что это безопасно.

– Вас понял, лейтенант, – сказал Фалькони. – Пошлите кого-нибудь к шлюзу, а я попрошу Киру, чтобы она тоже подошла.

– Благодарю вас, капитан.

Фалькони посмотрел на потолок.

– Грегорович, медуза уже проснулась?

– Только что, – ответил разум корабля.

– Интересно, как она узнала? – пробормотал Фалькони и посмотрел на Киру, которая уже направлялась к выходу из рубки.

– Беру это на себя, – сказала она.

3

Прошло почти сорок минут. Они с Итари добрались до грузового отсека, и инопланетянин стал извлекать морпехов из коконов и возвращать их к жизни с помощью другой вязкой

секретионной жидкости. Когда не требовалось переводить, Кира стояла у одного из стеллажей с оборудованием и просматривала новости с Вейланда.

Оптимизма они не внушали.

В одном из репортажей говорилось, что Вейланд подвергся орбитальной бомбардировке. Зона поражения располагалась рядом с Хайстоуном. Кире стало тревожнее: ее семья жила не слишком близко к городу, но все-таки неподалеку.

Кроме того, выяснилось, что медузы высадились в окрестностях Тоски, поселения в южном полушарии Вейланда, хотя, согласно последним сводкам (почти месячной давности), там не задержались. Курс нескольких кораблей жутей пролегал через периферию системы эпсилон Индейца, и там они вступили в яростный бой с медузами. Исход сражения был неизвестен, так как все корабли один за другим нырнули в сверхсветовое пространство. Лига направила в систему подкрепление – всего лишь небольшую оперативную группу; основная часть военных кораблей была сосредоточена в Солнечной системе и ее окрестностях, чтобы защитить Землю.

Кира оторвалась от чтения новостей, когда Итари вывело всех морпехов из криосна, и сопроводила медузу обратно до шлюза. Когда Кира рассказала Итари, что они направляются к станции «Орстед», инопланетянин вежливо поблагодарил – и только. Он был на удивление равнодушен к тому, куда движется «Рогатка» и что произойдет, когда они туда придут. Когда она спросила, в чем дело, он ответил:

[[Итари: Волна сама идет, куда ей вольно.]]

Когда медуза вернулась в шлюз, Кира заскочила на камбуз, чтобы наскоро перекусить, а затем снова поднялась в рубку. Как раз подошла и Нильсен. Первый помощник раскраснелась, на ее глазах были слезы.

– Все в порядке? – спросил Фалькони через стол с голографическими экранами.

Нильсен кивнула и опустилась в кресло.

– Моя семья цела, но дочка, Янн, лишилась дома.

– На Венере? – уточнила Кира.

Нильсен шмыгнула носом и разгладила рукой свою коричневую рубашку.

– Весь облачный город был сбит. Она едва спаслась.

– Черт, – нахмурился Фалькони. – Но, по крайней мере, она жива.

На минуту они замолчали. Затем Нильсен напряженно огляделась.

– Где Вишал?

Фалькони рассеянно махнул рукой в сторону задней части корабля.

– Пошел проверить медотсек. Сказал, что хочет осмотреть пару морпехов.

– Он жил на цилиндрической космической станции здесь, в Солнечной системе, верно?

На лице Фалькони отразилось беспокойство.

– Разве? Он никогда мне не рассказывал.

– Ох уж эти мужчины! – раздраженно сказала Нильсен. – Если бы ты потрудились спросить, ты бы знал...

Она встала с кресла и вышла из рубки.

Фалькони посмотрел ей вслед с легким недоумением. Он взглянул на Киру, словно надеясь, что та объяснит эту сцену. Она пожала плечами и вернулась к просмотру новостей в дополненной реальности.

Межзвездная война тянулась предсказуемо медленно (даже с учетом тех технологий, которыми обладали медузы), но все сводки были *удручающе* однообразными. В других колониях происходило то же, что на Вейланде (хотя сражения в Мире Стюарта были по масштабам сопоставимы с боями в Солнечной системе).

После медуз явились жути. Месяц за месяцем их становилось все больше и больше, так что настал момент, когда интенсивность боев ОВК с медузами и жутиями сравнялась. С каждым

появлением монстры принимали все новые и новые формы, как будто постоянно мутировали. Но скорее всего, подумала Кира, руководящий ими разум – ненасытная Утроба, возникающая из-за дьявольского слияния человека, вранауи и Кроткого Клинка, – лихорадочно, неистово, безумно, хаотично экспериментировал, чтобы найти наилучшую форму плоти для сражений.

Мысль о жестоких муках, которые испытывали и причиняли жути, внушала Кире отвращение.

Она не удивилась, узнав, что во время войны человечество сплотилось как никогда. Даже жители Шин-Зара забыли о своих разногласиях с Лигой и тоже выступили против общих врагов. Какой смысл длить внутреннюю рознь, когда атакуют монстры, порожденные тьмой?

И все-таки, хотя все люди объединили усилия в борьбе с врагом, отбиться они не могли. Даже по отрывочным новостям было ясно, что люди терпят поражение. *Человечество* терпит поражение, несмотря на все усилия.

Новости были ошеломляющими, опустошающими, тягостными. В конце концов читать их стало невыносимо, и Кира вышла из дополненной реальности и сидела, уставившись на ряд ламп и выключателей на потолке, стараясь не думать о том, как мир рассыпается на кусочки.

В нижнем углу поля зрения появился значок. Поступило новое сообщение. Кира открыла его: должно быть, Грегорович?

Нет.

Пришел ответ на видеосообщение, которое она когда-то отправила родным из системы Шестьдесят первой Лебеда. Ответ с аккаунта ее мамы.

Кира уставилась на него. Она была потрясена до глубины души. Вздвогнув, она вспомнила, что нужно сделать вдох. Она уже не ждала ответа. Ее семья не могла знать, где она и когда вернется, так почему же сообщение ждало ее здесь, в Солнечной системе? Если только...

Чуть дыша она открыла файл.

В поле зрения появилось видео: какой-то темный подземный бункер. Кира вспомнила, что в подобных убежищах от радиации укрывались первые колонисты на Вейланде... Родители сидели у стола, заваленного инструментами и аптечками. Иста стояла чуть позади, между мамой и папой, беспокойно вглядываясь в камеру.

Кира сглотнула.

У отца повязка на правом бедре. Он выглядел болезненно худым, морщины вокруг глаз и носа глубже, чем ей помнилось. Судя по проседям в бакенбардах, он пропустил очередную инъекцию стволовых клеток. Мама стала еще тверже, словно орел, высеченный из гранита, ее волосы были коротко подстрижены в любимом стиле колонистов, которые проводили большую часть жизни в скинсьютах.

Лишь Иста, казалось, совсем не изменилась, и Киру это немного успокоило.

Мама прочистила горло.

– Кира, мы только вчера получили твое сообщение. Оно опоздало на месяц, но все-таки дошло.

– Мы очень рады, что ты жива, дорогая. Очень рады, – сказал папа. – Мы волновались за тебя.

Иста кивнула. Кира удивилась, что она так молчалива: сдержанность была не в ее характере. Но теперь наступили другие времена.

Мама взглянула на мужа и Исту и снова посмотрела в камеру.

– Мне жаль... Нам жаль, что твои товарищи погибли, Кира. И... Алан. Судя по твоим рассказам, он был хорошим человеком.

– Конечно, тебе тяжело, – добавил отец. – Просто знай, что мы думаем о тебе. Пусть у тебя все будет хорошо. Я уверен, что ученые Лиги найдут способ снять с тебя этого инопланетного... – он не сразу подобрал слово, – этого инопланетного паразита.

Мама положила руку ему на плечо, чтобы успокоить, и сказала:

– Не знаю, почему Лига дала твоему сообщению дойти. Может быть, они не заметили его, но это не так важно. Я рада, что мы его получили. Ты видишь: мы не дома. Медузы высадились несколько недель назад, и вокруг Хайстоуна идут бои. Нам пришлось эвакуироваться, но с нами все в порядке. У нас все хорошо. Мы нашли приют вместе с семьей Нимерасов...

– По ту сторону гор, – уточнил отец.

Мама кивнула:

– Они разрешили нам пока пожить в их убежище. Мы надежно защищены, и здесь совсем не тесно.

Но Кира видела, что особым простором бункер не отличается.

– Медузы сожгли теплицы, – тихо проговорила Иста. – Они сожгли их, сестренка. Сожгли их все...

Не может быть.

Родители неловко ерзали. Отец посмотрел на свои большие руки, которые он положил на колени.

– Да, – вздохнул он. Кира никогда не видела его таким печальным, таким подавленным. У него вырвался глухой смешок. – Меня поцарапало слегка, когда мы спешили выбраться. – Он похлопал по повязке на ноге и заставил себя улыбнуться.

Мама выпрямила спину:

– Послушай, Кира. Не волнуйся за нас, хорошо? Отправляйся в экспедицию, если так нужно, а мы будем здесь, когда ты вернешься... Мы отправим это сообщение во все системы Лиги, так что оно будет ждать тебя, куда бы ты ни прилетела.

– Мы любим тебя, дорогая, – сказал отец. – Мы гордимся тобой и твоей работой. Береги себя, и мы скоро увидимся.

Изображение в дополненной реальности поплыло и размылось. Кира судорожно вздохнула и поняла, что плачет. Закрыв видеосообщение, она согнулась и закрыла лицо руками.

– Что с тобой? – спросил Фалькони; в его голосе звучала и тревога, и забота. Он подошел, и она почувствовала, как его рука легла ей на спину, между лопатками. – Что произошло?

– Сообщение от родных, – шепнула Кира.

– Они...

– Нет-нет, все в порядке, но... – Кира покачала головой. – Им пришлось покинуть наш дом, где я выросла. И когда я их увидела... маму, папу, сестру... им сейчас нелегко.

– Всем нелегко сейчас, – мягко сказал Фалькони.

– Я знаю, но они записали его... – она проверила дату, – почти два месяца назад. Два месяца. Медузы бомбили Хайстоун с орбиты около месяца назад, и... я не знаю, что с ними сейчас...

Она осеклась. Кожу на руках покалывало: Кроткий Клинок отзеркалил ее эмоции. Слеза упала на левую руку, и волокна быстро впитали ее.

Фалькони встал перед ней на колени:

– Я могу для тебя что-то сделать?

Кира удивилась и на мгновение задумалась.

– Нет, но... Спасибо. Единственное, что можешь сделать ты, я или кто угодно – найти способ положить конец этой проклятой войне.

– Конечно, это было бы неплохо.

Она вытерла глаза тыльной стороной ладони.

– А что с твоей семьей? Ты...

Вспышка боли омрачила его глаза.

– Нет, и они слишком далеко, чтобы просто позвонить. И я не знаю, хотят ли они меня слышать.

– Ты не можешь этого знать, – сказала Кира. – Не можешь знать наверняка. Посмотри, что творится. Может быть, скоро наступит конец всему. Ты должен пообщаться с родителями. Если не сейчас, то когда?

Фалькони немного помолчал, потом похлопал ее по плечу и поднялся на ноги.

– Я подумаю об этом.

Расплывчатый ответ, но Кира понимала, что ничего сверх того от Фалькони не добьется. Она тоже встала:

– Иду в свою каюту. Хочу ответить родителям до того, как мы прибудем на «Орстед».

Фалькони хмыкнул, уже погрузившись в изучение почты на экране.

– На твоём месте я бы не рассчитывал на то, что Лига позволит тебе передать сообщение. Не говоря уже о медузах. Держу пари, канал связи с Вейландом забит, как галюнь у нас в трюме однажды.

На мгновение Кира утратила уверенность в своём решении. Затем, примирившись, она успокоилась и сказала:

– Неважно. Я должна попытаться, понимаешь?

– Семья для тебя так важна, да?

– Естественно. А для тебя нет?

Капитан не ответил, но она увидела, как напряглись его плечи.

4

Семь часов.

Они прошли быстрее, чем ожидала Кира. Она вернулась в свою каюту и записала ответное сообщение семье: рассказала, что произошло в системе Жукхи (утаив, как и в отчете Хоусу, что причастна к сотворению Утробы), и даже показала кое-что из того, на что способен Кроткий Клинок, подняв руку и вырастив копию цветка Полночного Созвездия на своей ладони. Она надеялась, что это вызовет улыбку у отца. По большей части она ограничилась общими добрыми пожеланиями, настоятельно советовала не покидать укрытия и напоследок сказала:

– Надеюсь, вы получите это сообщение на будущей неделе или около того. Не знаю, что от меня потребует Лига, но, скорее всего, на какое-то время мне запретят поддерживать с вами связь... Держитесь, что бы ни происходило на Вейланде. Есть шанс, что с медузами удастся заключить мир, и я приложу все усилия, чтобы это произошло как можно быстрее. Так что не сдавайтесь, хорошо? Не сдавайтесь... Люблю вас. До свидания!

Записав сообщение, Кира несколько минут провела в темноте с закрытыми глазами, чтобы дыхание замедлилось и спал лихорадочный жар.

Затем она взяла себя в руки и вернулась в рубку. Вишал уже был там. Вполголоса он разговаривал с Фалькони и Воробьем. Доктору приходилось наклонять голову, потому что он был выше ростом.

– ...это скверно, док, – сказал Фалькони. – Seriously. Если ты хочешь покинуть «Рогатку», я не против. Мы можем найти другого...

Вишал замотал головой, не дав ему договорить.

– Нет, в этом нет необходимости, капитан, но я благодарю вас. Мой дядя сказал, что даст мне знать, как только что-то прояснится.

Воробей похлопала его по плечу – Вишал даже вздрогнул от неожиданности.

– Ты же знаешь, док, что мы тебя прикроем. Если я могу чем подсобить – просто скажи, и... – она присвистнула, – фьюить – и я тут как тут.

Казалось, поначалу Вишал был оскорблен ее фамильярностью, но затем успокоился и ответил:

– Мне важна ваша поддержка, мисс Воробей. Правда.

Усевшись в кресло, Кира испытующе посмотрела на Фалькони.

<Что произошло? – Кира>

<Медузы разрушили цилиндрическую станцию, на которой живет Вишал. – Фалькони>

<Черт. Его сестры и мама целы? – Кира>

<Возможно, они успели выбраться, но пока новостей нет. – Фалькони>

Когда Вишал подошел к столу, Кира сказала:

– Фалькони все мне рассказал. Чудовищно. Мне очень жаль.

Вишал опустился в кресло рядом с Кирой. Он нахмурился и помрачнел, но голос его по-прежнему был мягким.

– Спасибо за вашу доброту, мисс Кира. Я уверен, что все будет хорошо, с Божьей помощью.

Кире оставалось только надеяться, что он прав.

Она вышла в дополненную реальность и включила трансляцию с корабельных камер заднего обзора; она видела, как «Рогатка» приближается к Юпитеру, окаймленному пестрыми полосами, и крошечному пятнистому диску – Ганимеду.

Вид Юпитера во всем его оранжевом великолепии с мучительной силой напомнил ей Зевса в небе Адрастеи. Неудивительно: первые исследователи дали имя Зевсу именно из-за сходства планет³.

Ганимед по сравнению с Юпитером казался просто крохотным, хотя это был крупнейший спутник планеты, крупнее даже, чем Меркурий (подсказала Кире дополненная реальность).

А станция «Орстед» – пункт назначения их путешествия – казалась просто пылинкой, парящей высоко над испещренной кратерами поверхностью Ганимеда. Кроме нее на орбите Ганимеда находилось еще несколько сверкающих пылинок поменьше – многочисленные пассажирские и грузовые корабли и дроны, сновавшие вокруг станции.

Кира вздрогнула. Она ничего не могла с собой поделать. Ей часто казалось, что она осознаёт необъятность пространства, но снова и снова она убеждалась, что это не так. Человеческий мозг просто не способен воспринимать космические расстояния и масштабы. По крайней мере, мозг обычного человека. Возможно, разум корабля способен на большее. Ничто из того, что построили люди (и когда-либо построят), не сравнится с этой безмерной пустотой.

Она отвлеклась от этих мыслей и вновь перевела взгляд на станцию. Даже самые опытные космонавты могут тронуться рассудком, если будут слишком долго вглядываться в пустоту.

Кира всегда мечтала побывать в Солнечной системе, особенно на Земле, посетить эту великую сокровищницу биологических видов. Но она и представить себе не могла, что путешествие будет таким: торопливым, изматывающим, омраченным войной.

Тем не менее вид Юпитера заворожил ее, и она сожалела, что Алана нет рядом, чтобы разделить с ней эти впечатления. Они неоднократно обсуждали, как хорошо было бы накопить денег и позволить себе отпуск в Солнечной системе. Или получить грант на исследования и отправиться к Солнцу за счет компании. Впрочем, все это были просто воздушные замки, пустые рассуждения о несбывшемся будущем.

Кира заставила себя отвлечься от этих воспоминаний.

Через несколько минут в дверях появилась Нильсен.

– С кораблем все в порядке? – спросил Фалькони.

– Насколько возможно, – ответила Нильсен. – С инспекторами проблем не должно быть.

– Если не считать Итари, – заметила Кира.

Первый помощник сухо улыбнулась:

³ Верховный бог римской мифологии – Юпитер – отождествлялся с греческим Зевсом.

– По крайней мере, они не смогут обвинить нас в том, что мы нарушили карантин. Надежного биоконтроля при взаимодействии с медузами не было с первого дня.

Она подошла к столу и села в кресло напротив Вишала.

Воробей недовольно зарычала и посмотрела на Нильсен:

– Ты видела, что удумали стелларисты?

– Мм. Не хуже, чем экспансионисты или экологи. Будь они у власти, сделали бы то же самое.

Воробей покачала головой:

– Это просто самоуговоры. Премьер пользуется тем, что объявлено чрезвычайное положение, чтобы прессовать колонии по полной программе.

– Тьфу, – сказала Кира.

Почему она не удивилась? Стелларисты всегда ставили интересы Солнечной системы превыше всего. До какой-то степени их можно было понять, но восторга их политика у нее не вызывала.

Выражение лица Нильсен было непроницаемо любезным.

– Это довольно радикальная точка зрения, Воробей.

– Поживем – увидим, – сказала Воробей, тряхнув короткостриженной головой. – Когда закончится эта заварушка (если хоть кто-то выживет), мы даже плюнуть не сможем без разрешения от Кабминземшара. Зуб даю.

– Ты переоцениваешь...

– Да кого я уговариваю? Ведь ты с Венеры. Конечно, ты всегда будешь горой за землян, как и все, кто вырос, витая в облаках.

Нильсен нахмурилась и уже открыла рот, чтобы ответить, но вмешался Фалькони:

– Больше ни слова о политике. Отложим эти споры до того момента, когда у нас будет достаточно выпивки, чтобы вы глаза друг другу не повыцарапывали.

– Да, сэр, – угрюмо отозвалась Воробей.

Кира вновь вернулась к просмотру новостей. Она никогда не могла уследить за всеми тонкостями межзвездной политики. Слишком много игроков, переплетающихся интересов. Но она совершенно точно недолюбливала стелларистов (да и большинство политиков, если уж на то пошло).

«Орстед» постепенно увеличивался в размерах и занял большую часть обзора с камер на корме. Темная, резко-угловатая станция была массивно-строгой, как исполинский готичный гироскоп. Судя по всему, защитный кольцевой модуль не был поврежден, но четверть оболочки скрепленного с ним вращающегося обитаемого модуля была разорвана, словно «Орстед» драг когтями дракон. Вокруг пробоин зубрились лепестки обшивки, образовавшиеся из-за разгерметизации при взрыве. Сквозь пробоины были видны заиндевевшие белесые каюты. Верхняя часть центрального модуля «Орстеда» (иными словами, обращенная в космос, а не к Ганимеду) оцетинилась антеннами, спутниковыми тарелками, телескопами и пушками на вращающихся опорах, сейчас неподвижно устремленными в пространство. Похоже, большая часть оборудования была сломана или оплавилась. К счастью, пришельцам не удалось повредить термоядерный реактор, размещенный глубоко внутри обитаемого кольцевого модуля. Веретенообразная, поперечно закрепленная ферменная конструкция длиной несколько сотен метров, выпирающая из нижней части, выглядела целой, но множество прозрачных радиаторов, окаймлявших ее, были разломаны или продырявлены, превратились в заостренные осколки, источающие из разорванных вен раскаленный металл. Десятки сервисных ботов сновали вокруг поврежденных радиаторов, пытаясь остановить утечку охлаждающей жидкости.

Дополнительные приборы связи и орудия, закрепленные на дальнем конце ферменной конструкции, тоже были искорежены и опалены. Невероятная удача – уцелела защитная камера марковского генератора (обеспечивающего энергией сверхсветовые датчики станции). Анти-

материи в генераторе было немного, но если бы защитная оболочка порвалась, большая часть ферменной конструкции просто-напросто аннигилировала бы вместе со всем оборудованием.

Четыре крейсера ОВК дежурили у левого борта станции: наглядная демонстрация военной мощи Лиги.

– Туле! – воскликнула Воробей, присаживаясь в кресло. – Из них всерьез повыбили дерьмо.

– Ты бывала на «Орстеде» раньше? – спросила Кира.

Воробей облизнула губы.

– Однажды. Когда меня вытурили из армии. Не горю желанием снова побывать в этом гадючнике.

– Лучше пристегнись, – посоветовал Фалькони.

– Да, сэр.

Все пристегнулись. Наступила невесомость. Кира скривилась. «Рогатка» совершила последний маневр (так что теперь носовая часть была обращена к станции), и Грегорович объявил:

– Расчетное время прибытия – четырнадцать минут.

Кира попыталась ни о чем не думать.

Вскоре к ним присоединилась Хва-Йунг. Она впорхнула в рубку с грацией балерины. На ее лице застыла гримаса отвращения, она выглядела мрачнее, чем обычно.

– Как там Вилочка и мистер Пушистые Панталоны?

Механик поморщилась:

– С этим котом одни несчастья. Фу. Он снова все изгадил. Если я когда-нибудь куплю корабль, кота там не будет. Свины – это замечательно. А кошки... будь они прокляты.

– Спасибо, что прибралась.

– Угу. Я заслужила надбавку за биориск.

Некоторое время все молчали. Затем Воробей сказала:

– Знаете, если говорить о биоконтроле, зря на Руслане так разозлились на нас.

– Почему? – спросила Нильсен.

– Все эти сбежавшие рептилии оказали весьма тритонизирующее действие.

Кира наигранно застонала вместе со всеми. Ей подумалось, что большинство из них жалеет, что Трига нет рядом и он не отпускает свои шуточки.

– Да убережет нас Туле от каламбуров, – пробурчал Вишал.

– Могло быть и хуже, – заметил Фалькони.

– Да? Как?

– Воробей могла устроить мимическое шоу.

Воробей сделала вид, что бросает в него перчатку, и капитан рассмеялся.

5

Кире скрутило желудок, когда «Рогатка» замедлила ход и, слегка вздрогнув, соединилась с одним из стыковочных узлов в защитном кольцевом модуле «Орстеда».

Через несколько секунд прозвучал сигнал «все чисто».

– Ладно, слушайте, – сказал Фалькони, отстегивая ремни. – Капитан Акаве договорился об амнистии для нас... – Он исподлобья посмотрел на Киру. – Но все равно в их глазах все мы негодяи. У Лиги должно быть досье на каждого, но это не означает, что мы должны выставять себя дураками. Помалкивайте, пока мы не узнаем, что им известно, а что нет, и ситуация не прояснится. Грегорович, особенно это касается тебя.

– Как скажете, о капитан, мой капитан! – ответил разум корабля.

Фалькони хмыкнул:

– И не вздумайте болтать о медузе. Мы с Кирой берем это на себя.

– Разве Хоус и его подчиненные еще не сообщили ОВК? – уточнила Кира.

Фалькони мрачно ухмыльнулся:

– Уверен, они бы так и поступили, если бы я дал им доступ к связи. Но я не дал.

– И теперь Хоус рвет и мечет, – догадалась Нильсен.

Фалькони был уже у гермодвери.

– Неважно. Военные будут допрашивать нас прямо сейчас, и им понадобится некоторое время, чтобы пообщаться с нашими добрыми соседями из морской пехоты.

– Мы должны быть на «Орстед» в полном составе? – осведомилась Хва-Йунг. – «Рогатке» все еще нужен мелкий ремонт после возвращения из сверхсветового.

Фалькони жестом указал на дверь:

– У тебя будет куча времени, чтобы разобраться с кораблем позже, Хва-Йунг. Обещаю. Да, мы должны быть там в полном составе. – Воробей застонала, Вишал закатил глаза. – Офицер связи на «Орстед» особо подчеркнул, что ОВК хочет видеть всех, кто прибыл на этом корабле. Думаю, они еще не решили, что с нами делать. Они сказали, что ждут распоряжений от Кабминземшара. Кроме того, мы не можем бросить Киру.

– Спасибо, – искренне сказала Кира.

– Не за что. Я бы никого из моей команды не отпустил одного в лапы ОВК. – Фалькони усмехнулся, и Киру обнадежила эта усмешка, пускай суровая, таящая опасность. – Если они тебя хоть пальцем тронут, мы устроим переполох. Остальные – не мне вас учить, как себя вести. Ушки на макушке, рот на замке. Помните: это не отпуск на берег.

– Вас понял.

– Да, сэр.

– Конечно, капитан.

Хва-Йунг кивнула.

Фалькони похлопал по переборке:

– Грегорович, держи корабль наготове на случай, если нам придется срочно улепетьваться. И следи внимательно за трансляцией с наших имплантов, пока не вернемся.

– Естественно, – пропел Грегорович. – Смотрите сквозь ваши гляделки, а я буду за вами приглядывать. Вынюхивать-высматривать – просто восхитительно. Высматривать-вынюхивать – просто упоительно.

Кира фыркнула. Вне сомнений, разум корабля остался прежним, несмотря на долгий сон.

– Думаете, нас ждут неприятности? – спросила Нильсен у Фалькони, когда они вышли из рубки.

– Нет, – сказал Фалькони. – Но лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

– Святая правда, – поддержала Воробей.

Они направились к центральному трапу «Рогатки». Фалькони возглавлял шествие. Вскрабавшись по трапу, члены экипажа достигли шлюза в носовой части корабля. Там к ним присоединились энтрописты. Мантии Ищущих развевались в невесомости, словно паруса на ветру. Они наклонили головы, остановились и пробормотали:

– Приветствуем вас, капитан.

– Добро пожаловать на вечеринку! – сказал Фалькони.

В шлюзе стало тесно, когда там сгрудились девять человек, тем более что Хва-Йунг одна занимала столько места, сколько трое из них, вместе взятых, но, потолкавшись, они все-таки уместились.

Шлюз, как обычно, стал издавать невнятные звуки: зашипел, защелкал. Когда наружная гермодверь открылась, Кира увидела погрузочную платформу, точно такую же, как на станции «Выборг», где она побывала уже больше года назад. Она испытала странное чувство – не вполне дежавю, не вполне ностальгию. То, что когда-то было знакомым, даже дружелюбным,

сейчас выглядело бездушным, суровым и – хотя она понимала, что это просто нервы пошаливают, – жутковатым.

Их встретил небольшой шарообразный дрон, витавший слева от шлюза. Рядом с камерой горел желтый огонек, из динамика донесся мужской голос:

– Сюда, пожалуйста.

Выпуская струйки сжатого воздуха, дрон развернулся и полетел к гермодвери на другом конце вытянутого, обшитого металлическими панелями помещения.

– Похоже, лучше следовать за ним, – сказал Фалькони.

– Похоже, да, – согласилась Нильсен.

– Неужели они не понимают, что мы спешим? – возмутилась Кира.

Воробей прищелкнула языком:

– Ты словно дитя малое, Наварес. Нельзя торопить бюрократов. Сейчас идет война. Так что привыкни ждать, хотя времени в обрез. Иначе на войне и не бывает.

Фалькони прыгнул с края шлюза к гермодвери. Он медленно закружился в воздухе, подняв одну руку над головой, чтобы удержать равновесие.

– Любит же он покрасоваться, – хмыкнула Нильсен, выкарабкиваясь из шлюза и хватаясь за поручни на стене.

Один за другим они покинули «Рогатку» и пересекли погрузочную платформу с дистанционными манипуляторами на карданных подвесах и рифлеными ремнями, помогающими удержать грузовые контейнеры в невесомости. Кира понимала, что лазерные, магнитные и другие датчики сейчас незримо проверяют их удостоверения личности, ищут взрывчатку и оружие, контрабандные товары и так далее. У нее по коже побежали мурашки, и она ничего не могла с этим поделать.

На секунду у нее промелькнуло желание вызвать на лицо маску... но она поборол этот порыв.

В конце концов, она не собирается вступать в схватку.

Дрон скользнул в гермодверь и понесся в коридор, расположенный за ней, не меньше семи метров в ширину. После стольких месяцев, проведенных на «Рогатке», он казался прямо-таки огромным.

Коридор пустовал. Все двери в нем были закрыты и заперты. И за первым, и за вторым поворотом – тоже никого.

– Очень радушный прием, – сухо заметил Фалькони.

– Наверное, они побаиваются нас, – предположил Вишал.

– Нет, – сказала Воробей. – Они побаиваются ее.

– И не зря, – пробормотала Кира.

К ее удивлению, Воробей захохотала так громко, что ее смех эхом разнесся по коридору.

– Вот именно. Покажи им, на что ты способна.

Даже Хва-Йунг вроде бы удивила эта вспышка веселья.

Они прошли по коридору через все пять палуб защитного кольцевого модуля и в конце концов увидели, как и предполагала Кира, маглев – вагон на магнитной подушке. Боковая дверца вагона была открыта.

Из темноты за маглем Кира слышала шорох обитаемого кольцевого модуля: он все вращался, вращался и вращался...

– Пожалуйста, будьте осторожны при входе, – сказал дрон, зависая рядом с вагоном.

– Ага-ага, – пробурчал Фалькони.

Все уселись и пристегнулись. Затем раздался музыкальный сигнал, и женский голос из динамиков произнес:

– Маглев скоро тронется. Пожалуйста, пристегните ремни и закрепите багаж.

Дверь со скрежетом захлопнулась.

– Следующая остановка: обитаемый отсек С.

Маглев стал набирать скорость, плавно и почти бесшумно. Он проплыл через герметичский шлюз в конце терминала и свернул в главный транспортный тоннель между стыковочным и обитаемым модулями. Кира сразу почувствовала, что маглев заскользил по дуге вокруг центра станции, – ощутила, что *она сама* вращается по огромному кругу, – и ее прижало к сиденью. Ноги опустились на пол, руки – на подлокотники, и через несколько секунд она почувствовала свой привычный вес.

Вращение вкупе с ускорением вызывали странное ощущение. Вначале у Киры закружилась голова, но скоро она привыкла к этому по-новому устроенному пространству.

«Низ» был у нее под ногами (как и полагалось). «Вверху» был центр станции, а «внизу» – оболочка защитного кольцевого модуля и открытый космос.

Вагон затормозил, дверца напротив той, в которую они вошли, лязгнула гермозатвором и открылась.

– Ох. Чувствую себя, словно сахарная вата, которую накрутили на палочку, – признался Вишал.

– Я тоже, док, – сказал Фалькони.

Все защелкали замками, отстегнули ремни, а затем, пошатываясь, вышли в терминал, пытаюсь удержать равновесие.

Едва сделав пару шагов, Фалькони, Кира и все остальные замерли.

– Ши-бал!

Их ждала целая фаланга вооруженных солдат в черных бронескафандрах. Они нацелили бластеры на Киру и других членов экипажа. За ними стояли два отряда штурмовиков – угловатых гигантов в шлемах, безликих, будто бы жукоголовых. Кроме того, на путешественников были наведены стволы турелей, привинченных к палубе между отрядами солдат. А в воздухе, жужжа, словно миллион разъяренных ос, роились боевые дроны.

Дверь маглева захлопнулась.

Прогремел чей-то голос:

– Руки за голову! На колени! Если окажете сопротивление, вас расстреляют. ЖИВЕЙ!

Глава II

Станция «Орстед»

1

С какой стати она ждала другого приема? Но почему-то ждала, и такое обращение со стороны военных разочаровало и разозлило Киру.

– Вот же ублюдки! – пробурчал Фалькони.

По терминалу разнесся тот же голос:

– На пол! ЖИВО!

Не было смысла драться. Ее бы просто убили, и дело с концом. А вместе с ней погибли бы ее друзья с «Рогатки». И военные тоже, а они ведь не были ей врагами. По крайней мере, в этом Кира старалась себя уверить. Они же как-никак люди.

Кира послушно заложила руки за голову и упала на колени, не сводя глаз с солдат. Рядом с ней ту же команду выполнили члены экипажа и энтрописты. С полдюжины солдат ринулись к ним. Ботинки лязгали по полу: сплошная какофония металла. Под тяжестью бронескафандров палуба ходила ходуном, вибрация отдавалась в лодыжках.

Зайдя за спину пленникам, солдаты принялись надевать им наручники. Хва-Йунг зарычала, когда ее схватили за руки, и одно мгновение сопротивлялась – Кира слышала, как скрежет броня на солдате, борющемся с зарийкой. Но и механик угомонилась, буркнув корейское ругательство.

Солдаты силой подняли Фалькони и всех остальных на ноги и отвели в сторону. При их приближении гермодверь скользнула в сторону.

– Не позволяй им распускать руки! – крикнул Фалькони через плечо Кире. – Тронут тебя – пальцы им оттяпай, поняла?

Один из военных подтолкнул его в спину.

– Эй! У нас амнистия! Отпустите нас, или я найму адвоката – и он все это местечко разделает под орех за нарушение соглашения. У вас ничего нет против нас. Мы...

Голос капитана заглох, когда всех вывели за дверь. Еще несколько мгновений – и члены экипажа и энтрописты скрылись с глаз.

У Киры, несмотря на все усилия Кроткого Клинка, заledenели пальцы. Опять она осталась одна.

– Вы напрасно тратите время, – сказала она. – Мне нужно поговорить с командующим. У нас есть информация о медузах, и она может устареть. Уж поверьте, премьер будет рад услышать то, что мы сообщим.

Солдаты отошли в сторону, освобождая путь, и на миг Кира подумала, что ее слова возымели желанный эффект. Но тут же вновь загремел голос из динамиков:

– Сними линзы и брось их на пол!

Черт побери! Значит, детекторы обнаружили линзы, когда она зашла на «Орстед».

– Вы не слышали, что я сказала? – заорала она. Кроткий Клинок напрягся и затвердел. – Пока таскаете меня туда-сюда, медузы убивают людей! Кто тут главный? Я не стану выполнять ваши команды, если...

Тут голос взревел так, что у Киры чуть не заложило уши:

– ПОДЧИНИСЬ, ИЛИ ТЕБЯ ПРИСТРЕЛЯТ! Десять секунд. Девять. Восемь. Семь...

Мгновение Кира прикидывала – не натянуть ли маску Кроткого Клинка на лицо, и пусть попытаются ее застрелить. Наверняка чужь сумеет уберечь ее от всякого оружия, кроме разве что самого крупного калибра. Но после сражения на Логове она знала, что крупный калибр

вполне способен ее ранить, а кроме того, за ее дерзость поплатятся Фалькони и другие члены экипажа...

– Ладно! Ладно! – сказала она, подавляя гнев.

Она не позволит себе утратить контроль. Ни сейчас, ни в будущем. По ее приказу Кроткий Клинок вернулся в обычное спокойное состояние.

Кира коснулась пальцами глаз. Обидно снова потерять связь с компьютерной сетью.

Как только линзы оказались на полу, вновь включился тот же голос:

– Руки за голову. Хорошо. Теперь по моей команде ты встанешь и пойдешь в другой конец терминала. Увидишь открытую дверь. Войдешь в эту дверь. Попытаешься свернуть – тебя пристрелят. Попытаешься сделать шаг назад – тебя пристрелят. Опустить руки – тебя пристрелят. Любое неожиданное движение – тебя пристрелят. Ты все поняла?

– Да.

– Пошла!

Без помощи рук вставать с колен было трудно. Кира неуклюже поднялась. Шагнула вперед.

– Быстрее! – поторопил голос.

Она ускорила шаги, но не слишком. Хоть убейте, бегать по их команде она не станет, она же не сервисный бот, запрограммированный реагировать на любое слово хозяина.

Рядом с Кирой зависли боевые дроны, их непрерывное жужжание сводило с ума, словно головная боль. Когда Кира прошла мимо солдат, они сомкнулись за ней – железная стена, холодная, бесстрастная.

В дальнем конце терминала обнаружилась открытая дверь, как и предупреждал голос. И по ту сторону поджидал очередной отряд – в две шеренги, оружие нацелено на Киру.

Тем же не слишком спешным шагом Кира вышла из терминала и вошла в соседнее помещение – огромный холл (право же, нерациональное использование свободной площади), который освещали вмонтированные в потолок яркие панели, создавая впечатление обычного земного солнечного дня. И яркий свет был здесь необходим, поскольку стены и потолок оказались темными, так что даже при таком освещении выглядел холл мрачно.

Здесь тоже все двери и проходы были закрыты, местами – только что приваренными панелями. По территории в шахматном порядке расставили скамьи, видеотерминалы, немногочисленные деревья в кадках, но внимание Киры привлекла конструкция в самом центре – многогранник высотой три метра, окрашенный в цвет хаки. Вокруг него на расстоянии примерно ладони располагалась проволочная клетка, в точности повторявшая его очертания. К проволоке крепились толстые металлические диски, размером с обеденную тарелку. Распределены они были так, что пустот между ними почти не оставалась. У каждого диска сзади имелась панель с кнопками и маленький горящий дисплей. В передней части многогранника была открыта дверь, а внутри царил сумрак.

Кира остановилась.

Сзади нее остановились вояки, над головой повисли дроны.

– Заходи! Сейчас же! – велел голос.

Кира понимала, что терпение тех, кто ей приказывал, на исходе, но все же задержалась, смакуя последний миг свободы. Потом собралась с духом, сделала еще несколько шагов и вошла в многогранник.

Дверь сразу же захлопнулась за ней, и по темному помещению разнесся лязг – уж не похоронный ли звон по Кире Наварес?

2

Прошло несколько минут. Кира прислушивалась к тому, как солдаты с грохотом перемещали боевую технику за стенами ее тюрьмы.

Потом за дверью раздался новый голос: мужской, с сильным акцентом, настолько неразборчивым, что Кире захотелось вернуть свои линзы и включить титры.

– Мисс Наварес, вы меня слышите?

Стены слегка заглушали голос, но слышать его Кира слышала.

– Да.

– Я полковник Шталь. Я буду вести допрос.

Полковник. Такого звания в космическом флоте нет.

– Вы откуда? Сухопутная армия?

Он чуть помедлил.

– Нет, мисс. Разведка ОВК.

Разумеется. Оттуда же, откуда и Щеттер. Кира чуть не рассмеялась. Могла бы сразу догадаться.

– Я под арестом, полковник Шталь?

– Нет, мисс, это не арест. Вы задержаны в соответствии со статьей тридцать четыре Акта о межзвездной безопасности, которая гласит...

– Я знакома с этой статьей, – перебила Кира.

Снова пауза – на этот раз Шталь словно бы удивился.

– Ясно. Я понимаю, что вы рассчитывали не на такую встречу, мисс Наварес, но вы должны понять ситуацию. Мы за последние месяцы много чего от жутей перенесли. И никак не можем довериться тому инопланетному организму, с которым вы не расстаетесь.

Она удержалась от саркастического ответа:

– Да, хорошо, я все понимаю. А теперь можем мы перейти...

– Пока еще нет, мисс. Позвольте я для начала кое-что объясню, чтобы избежать, э, неприятных инцидентов. Диски снаружи вашей камеры – вам известно, что это такое?

– Нет.

– Кумулятивные снаряды с самонаводящимися датчиками. К стенам вашей камеры подведен электрический ток. Если вы разорвете электрическую цепь, заряды взорвутся. Вас и все вокруг испепелит раскаленный шар радиусом около полуметра. Ваш ксеноорганизм не сможет выжить. Вы поняли?

– Да.

– У вас есть вопросы?

Вопросов было много. Чертовски много. Столько вопросов, что едва ли она когда-нибудь получит ответы на все. Но попытаться надо.

– Что вы сделаете с экипажем «Рогатки»?

– Они задержаны и будут допрошены. Решение будет принято после того, как мы установим полную меру их связи с вами, с вашей оболочкой и медузами.

Кира подавила свой гневный протест. Трудно было ожидать от ОВК другого. Хотя это не значит, что такое обхождение ей нравится. Но не стоит злить Шталя. Пока не стоит.

– Ладно. Прямо сейчас будете допрашивать?

– Если вы готовы, мисс Наварес. У нас имеется запись вашего разговора с капитаном Акаве на станции «Мальперт». Предлагаю исходить из этой точки. Расскажите мне, что было дальше вплоть до текущего момента.

И Кира рассказала полковнику все, что он хотел знать. Она говорила быстро, сжато, стараясь представить информацию в максимально организованном виде. Прежде всего она пояс-

нила, по каким причинам они улетели от Шестьдесят первой Лебеда к Жукхе. Затем описала события на Логове и все, что они там обнаружили. В-третьих, рассказала о нападении жутей. И в-четвертых, подробно изложила предложение союза, которое Щеттер передала человечеству от имени медуз-заговорщиков.

Единственное, о чем она умолчала, – о своей причастности к появлению жутей. Она собиралась признаться. Она обещала Фалькони, что во всем признается. Но такое обращение со стороны Лиги никак не способствовало откровенности. Если бы эта информация помогла человечеству выиграть войну, Кира бы не стала ничего утаивать, и плевать на то, как ей нелегко. Но она не видела никакой пользы для людей от этой истории, а потому утаила ее.

Когда она закончила, Шталь так долго молчал, что Кира уж забеспокоилась, не ушел ли он. Наконец он сказал:

– Корабельный разум сможет подтвердить ваш рассказ?

Кира кивнула, хотя Шталь вряд ли мог ее видеть:

– Да, спросите его. И он сохранил все записи с «Дармштадта».

– Ясно. – Напряженный голос полковника не мог скрыть подспудное беспокойство. Ее рассказ явно его встревожил – и сильно.

– В таком случае мне лучше безотлагательно взглянуть на них. Если на этом все, мисс Наварес, я...

– Вообще-то... – начала Кира.

– Что? – подозрительно переспросил полковник.

Она глубоко вздохнула, догадываясь, какая последует реакция.

– Вы должны знать – на «Рогатке» с нами прилетела медуза.

– Что?!

Кира услышала стремительный бег солдат, устремившихся к ее камере.

– Все в порядке, сэр? – крикнул на бегу кто-то.

– Да, да, – раздраженно ответил Шталь. – В полном порядке. Пошли вон.

– Есть, сэр! – Железные башмаки загрохотали в обратном направлении.

Шталь тихо выругался:

– Так, Наварес, какого дьявола вы притащили эту чертову медузу на вашем корабле?

Объясните!

Кира объяснила.

Когда она закончила, Шталь снова выругался.

– Как вы намерены поступить? – спросила Кира.

Если военные ворвутся на борт «Рогатки», Грегоревич не сможет их остановить без чрезвычайных – и, скорее всего, самоубийственных – мер.

– Запрошу указания Кабминземшара. Это выходит далеко за пределы моих полномочий, Наварес.

И она услышала, как Шталь уходит, а за ним грохот ботинок, – он нарастал, катился, как волна, а потом миновал ее камеру, стал затихать и оставил Киру в одиночестве и тишине.

– Да уж, чего еще и ждать, – сказала она с каким-то извращенным удовлетворением.

3

Кира огляделась по сторонам.

Внутри многогранника было пусто. Ни кровати. Ни туалета. Ни раковины. Ни слива. Стены, пол и потолок состояли из одинаковых зеленых панелей. Единственный источник освещения – маленькая круглая лампа над головой. Потолок окаймляли щели, закрытые мелкой сеткой: видимо, вентиляционные отверстия.

И вот она тут. Единственный узник этой странной граненой тюрьмы. Видеокамер она не видела, но конечно же они тут повсюду натканы, и Шталь или кто другой следит за каждым ее движением.

Пусть себе следят.

Кира вызвала маску, и спектр ее зрения расширился: теперь она различала инфракрасное и электромагнитное излучение.

Шталь не обманул. Стены мерцали голубыми петлями силовых линий, и между концами петель вились яркие, сверкающие, извивающиеся электрические змейки. В стены не были вмонтированы провода; судя по всему, ток шел от каркаса, на котором закрепили кумулятивные снаряды, и протекал через проволочные контакты, испещрявшие многогранник. Даже пол светился слабым ореолом индуцированного магнитного поля.

Над дверью и в углах потолка Кира заметила несколько незначительных возмущений поля: узловатые вихри, соединенные с тонкими электрическими нитями. Она угадала: видеокамеры.

Она позволила маске сойти с лица и села на пол.

Делать больше было нечего. На миг она чуть не поддалась разочарованию и гневу, но совладала с ними. Нет! Она не станет сходить с ума из-за того, что не в ее силах изменить. На этот раз – нет. Что бы ни произошло, она постарается принять это, сохранив самоконтроль. Все и так непросто, не стоит ухудшать ситуацию необдуманными действиями.

Да ведь у них и не было иной альтернативы, кроме как лететь в Солнечную систему. Предложение Узла Умов было слишком важным, чтобы передавать его из другой системы Лиги и терять время. Тем более когда вокруг шли сражения и то и дело глушили связь. Никаких гарантий, что информация вообще дойдет до цели. А еще Итари: инопланетянин был связным от Узла Умов, и помощь Киры требовалась при переводе. Наверное, можно было просто выскочить в Солнечной системе, передать важную информацию и улететь, но долг требовал иного. Даже если откинуть все прочие соображения, они же обещали капитану Акаве передать сообщение от медуз лично, напрямую.

Жаль только, что во все эти неприятности она вовлекла Фалькони и его экипаж. Из-за этого Кира чувствовала себя виноватой. Но уж наверное ОВК не станет их надолго задерживать. Слабое утешение, но другого она выдумать не могла.

Кира несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь выкинуть все мысли из головы. Поскольку это не помогло, она припомнила любимую песню, «Тангагрия», и мелодия наконец-то вытеснила все остальное. Когда же ей надоела эта песня, Кира переключилась на другую, потом третью.

Время шло.

Наконец – как ей показалось, спустя часы – она услышала тяжелую поступь бронескафандра. Шаги замерли возле ее камеры, в двери приоткрылась узкая щель, закованная в металл рука протолкнула внутрь поднос с едой. Кира взяла поднос, и рука исчезла. Щель закрылась, и голос из-за двери приказал:

– Доедите – постучите в дверь.

И, судя по бряцанию, солдат отошел, но недалеко.

Интересно, сколько бойцов ее охраняют? Только этот? Или целый взвод?

Она поставила поднос на пол и уселась перед ним, скрестив ноги. Одним взглядом охватила содержимое: бумажный стаканчик с водой и бумажная тарелка с двумя батончиками, тремя желтыми помидорами, половинкой огурца и кусочком оранжевой дыни. Ни вилки. Ни ножа. Ни приправ.

Она вздохнула. Батончиками она была сыта до конца жизни, но по крайней мере ОВК надумало ее кормить, и свежие овощи-фрукты – приятное разнообразие. Угощаясь, Кира задумчиво присматривалась к той щели в двери. Значит, через нее могут проходить внутрь и

наружу какие-то предметы, не создавая угрозы взрыва. Если она просунет в швы вокруг щели волокна чужи, может быть, сумеет как-нибудь отключить ток на наружной стороне камеры...

Нет! Она же не собирается бежать. Не в этот раз. Если Кира – или, точнее, Кроткий Клинок – может пригодиться Лиге, то она обязана остаться тут. Пусть они все и гады.

Доев, Кира покричала под дверь, и, как и было обещано, солдат вернулся и забрал поднос.

После этого она стала расхаживать по камере, но от стены до стены было всего два с половиной шага, так что Кира вскоре бросила это занятие и вместо этого принялась отжиматься, присесть и делать стойку на руках, пока не избавилась от излишков нервной энергии.

Только закончила – свет над головой потускнел, появился красный оттенок, и через минуту камера погрузилась в почти непроницаемую темноту.

Хотя Кира уговаривала себя не волноваться и не заикливаться на одной мысли и хотя ее должна была бы сморить усталость, заснуть не получалось. Слишком много событий произошло в этот день, и теперь не удавалось расслабиться, соскользнуть в беспамятство. Мысли носились по кругу, всякий раз возвращаясь к жутям, а пользы в этом никакой не было. Да и удобно на твердом полу не устроишься даже с помощью «скинсьюта».

Кира сосредоточилась на задаче дышать медленно. Больше она ничего сейчас не контролировала, но это оставалось в ее власти. Постепенно замедлился пульс, расслабилась шея, и Кира почувствовала, как по ее телу ползет желанная прохлада.

Пока ждала дремоты, пересчитывала грани своей темницы: двенадцать, то есть это... додекаэдр? Наверное, так. В тусклом красном свете стены казались коричневыми, а сама темница напоминала внутренность ореховой скорлупы.

«И считать себя повелителем бесконечного пространства», – тихо усмехнулась она. Видел бы ее сейчас Грегорович. Уж он бы оценил эту шутку. Хоть бы с ним все было в порядке! Если не станет заирать военных, может, отделается штрафом и замечаниями. Корабельные разумы слишком ценны, их обычно не списывают «на берег» даже за довольно серьезные нарушения. Но если он будет нести вздор, как порой при общении с Кирой, если ОВК сочтет его психически нестабильным, Лига без колебаний выдернет Григоровича из «Рогатки» и запретит ему летать. В любом случае его подвергнут целому ряду тестов на психические расстройства, и Кира не знала, захочет ли Грегорович и сможет ли не выставлять себя сумасшедшим. А если нет...

Она остановилась, недовольная собой. Именно таких мыслей ей следовало избегать. Что будет, то будет. Важно лишь настоящее. Не воздушные замки, не гипотезы. А прямо сейчас надо спать.

Наверное, было уже без малого три утра, когда мозг наконец отключился и позволил Кире погрузиться в блаженное небытие. Она надеялась, что Кроткий Клинок поделится с ней очередным видением, но на этот раз ей снились только ее собственные сны.

4

Свет в камере стал ярче.

Кира резко распахнула глаза и села. Сердце застучало, она готова была куда-то идти – но увидела стены камеры, вспомнила, где находится, зарычала и с размаху ударила себя кулаком по бедру.

Что ж это руководство Лиги так долго возится? Принять предложенную спутниками Щеттер помощь – для этого же не требуется особо ломать себе голову. Что за проволочки?

Она встала, и с ее тела посыпался тонкий слой пыли. В тревоге Кира проверила пол в том месте, где она лежала.

Вроде бы ничего не изменилось.

Кира выдохнула с облегчением. Если бы чужь за ночь проела панель, в любой момент мог бы раздаться взрыв. Видимо, Кроткий Клинок соображал, что к чему. И тоже хотел жить.

– Веди себя хорошо, – пробормотала она.

Снаружи загрохотали удары, напугав Киру.

– Наварес, нам надо поговорить, – объявил Шталь.

Наконец-то.

– Слушаю вас.

– У меня появились еще вопросы.

– Задавайте.

И Шталь принялся задавать вопросы. О Щеттер – была ли майор на вид в здравом рас- судке, была ли она такой же, какой запомнилась Кире на «Смягчающих обстоятельствах», и так далее и тому подобное – и о медузах, и об Ищейке, и о Посохе Синева и еще много. Много вопросов о жутях.

Наконец Шталь сказал:

– Мы закончили.

– Постойте, – спохватилась Кира. – А что с медузой? Как вы поступили с Итари?

– С медузой? – повторил Шталь. – Поместили ее в биоизолятор.

Внезапный страх пронзил Киру.

– Оно... Оно живо?

Кажется, полковник не на шутку обиделся.

– Разумеется, Наварес. Вы нас за полных идиотов принимаете? Пришлось повозиться, но в итоге мы сумели обездвигить вашего... э... приятеля с щупальцами и переместить его с «Рогатки» на станцию.

Хотелось бы знать, каким образом они его обездвигили, но Кира побоялась настаивать.

– Ясно. И что же руководство Лиги намерено с этим делать? С предложением Щеттер, Узла Умов и так далее?

– Этим занимаются компетентные лица, мисс.

Киа заскрипела зубами:

– Полковник Шталь, после всего произошедшего не думаете ли вы, что меня следует включить в эти переговоры?

– Может быть и так, мисс. Но это решаю не я.

Кира сделала пару вдохов, чтобы успокоиться:

– Скажите мне хотя бы, как долго я тут пробуду?

Если ее собираются перевести на корабль ОВК, это само по себе будет ясным признаком того, что Киру возьмут на встречу с Узлом Умов и там она поможет договориться об условиях взаимодействия и союза.

– Вы будете помещены на курьерское судно завтра ровно в десять утра. Вас доставят на исследовательскую станцию «Ла Церн» для дальнейшего изучения

– Простите? – заикаясь, выговорила Кира. – С какой стати... То есть неужели руководство даже не попытается поговорить с Узлом Умов? И кто же будет переводить? Иска? Щеттер? Мы даже не знаем, жива ли она!

Шталь вздохнул, и в голосе его впервые зазвучала усталость:

– Мы не намерены вступать с ними в переговоры, Наварес.

Кира сообразила, что уже этим – сказав ей – он нарушил протокол.

Ужас накрыл ее с головой.

– То есть как? – не веря своим ушам, спросила она.

– Премьер и его советники сочли, что медузы слишком опасны и доверять им нельзя. *Hostis Humani Generis*⁴, сами знаете. Вы же слышали – об этом объявили до того, как вы покинули систему Шестьдесят первой Лебеда.

– Так что же они собираются делать? – Голос ее упал до шепота.

– Уже все сделано, Наварес. Седьмой флот под командованием адмирала Кляйна отбыл сегодня к той звезде, координаты которой нам сообщила Щеттер. Звезда класса К примерно в полутора месяцах пути. Задача – разгромить медуз, пока они не ждут нападения, и разгромить их так, чтобы мы смогли навсегда забыть об этой угрозе.

– Но... – Столько ошибок было в этом плане, Кира терялась, с какой начать. Военные, конечно, законченные гады, но не идиоты же они! – Медузы заметят приближение Седьмого флота. Они могут выпрыгнуть вам навстречу из сверхсветового пространства раньше, чем вы подойдете на расстояние выстрела. Единственный шанс – убрать нынешнее их руководство...

– Все предусмотрено, мисс, – сурово, как и раньше, ответил ей Шталь. – Мы последние полгода зря штаны не просиживали. Пусть у медуз корабли и оружие помощнее, но уж в чем люди мастера, так это в поиске сиюминутных решений. У нас теперь есть способы помешать им нас заметить – и помешать им выпрыгнуть навстречу. Действуют эти способы недолго, но для наших задач хватит.

– А как же медузы Щеттер? – напомнила Кира. – Узел Умов?

Шталь издал какой-то странный звук. И после этого выговорил напряженно, словно боясь сказать лишнее:

– К назначенному месту встречи отправлена группа охотников-искателей.

– Чтобы...

– Уничтожить их всех.

Кира пошатнулась, как от удара. Особого почтения к правительству Лиги она не питала, но не ожидала от него прямого злодейства.

– Какого черта, полковник? Зачем же...

– Это политическое решение, Наварес. Наше с вами мнение никому не интересно. Было решено, что оставлять в живых лидеров – даже мятежных – слишком большой риск для человечества. Это не просто война, Наварес. Это уничтожение. Истребление. Сначала покончим с медузами и тогда сможем направить все силы на то, чтобы разобраться с жутиями.

– Было решено, – повторила она, выплевывая слова с величайшим презрением. – Кем это решено?

– Лично премьером. – После короткой паузы Шталь добавил: – Извините, Наварес. Так обстоят дела.

Полковник двинулся прочь, и вслед ему Кира крикнула:

– К черту премьера! И вас всех!

Она стояла посреди камеры, тяжело дыша, сжимая кулаки. Лишь тут она заметила, что Кроткий Клинок – что вся она покрыта шипами, проткнувшими ее комбинезон. Вновь эмоции вырвались из-под контроля.

– Дура, дура, дура, – шептала она, сама не зная, кого ругает – себя или Лигу.

А потом, успокоившись, – гнев ее сделался ледяным, острым, как скальпель хирурга, – Кира уселась, скрестив ноги, на пол и попыталась продумать ситуацию. Возвращаясь мысленно к разговору, она понимала, что сам Шталь вовсе не одобрял решение премьера. У него были какие-то причины рассказать ей про планы Лиги. Хотя и не вполне понятно, какие именно. Почему-то он хотел ее предупредить.

Но какое это теперь имеет значение! Задуманное руководством Лиги предательство – план истребить Узел Умов – вот что имело значение, а не ее мелкие неприятности. Только

⁴ Враг рода человеческого (*лат.*)

появилась надежда на мир (хотя бы с медузами), и премьер загубил эту надежду, даже попытаться не пожелал. Разве попытка такая уж рискованная? К гневу присоединилось разочарование. Кира не голосовала за премьера – никто из колонистов не голосовал, – а он устроит им вечную войну с медузами. Он больше прислушивается к своим страхам, чем к надежде. А страх – это Кира за последние месяцы усвоила – плохой советчик.

Как звать-то премьера? Она не смогла вспомнить даже его имя. Лига тасовала их, словно колоду карт.

Если б найти способ предупредить Узел Умов! Вдруг тогда все-таки сохранится возможность договориться с медузами? Не может ли Кроткий Клинок каким-то образом вступить с ними в контакт? Но нет, любые сигналы, которые испускал ее «скинсьют», похоже, разносились по всей Галактике и были ненаправленными. А если из-за этих сигналов в Солнечную систему пожалуют медузы и жути, будет еще хуже.

А если бы ей удалось сбежать, вырваться – что тогда? Кира не видела файл, который Щеттер переслала Акаве (а «Дармштадт» отправил копию его на «Рогатку»), но была уверена, что там содержится контактная информация: время, частота для связи, место и так далее. Однако военспецы наверняка вычистили этот файл с компьютеров «Рогатки», и Кира понятия не имела, удосужился ли Грегорович прочесть его и запомнить.

Если же нет – а полагаться на удачу просто безответственно, – единственной нитью, связывающей их с Узлом Умов, остается Итари. Значит, Кира должна спастись не одна, а вытащить отсюда Итари, доставить инопланетянина на корабль и вылететь вместе с ним из системы, добраться туда, где связь еще не глушат, – и все это время ОВК из кожи вон будет лезть, чтобы ее остановить.

Безумные фантазии, Кира и сама это понимала.

Застонав, она поглядела на грани потолка. Беспомощность терзала ее, как боль. Из всех попыток, какие человек может претерпеть, эта – она была уверена – худшая.

Завтрака пришлось ждать долго. Когда его принесли, Кира едва прикоснулась к еде – живот болел от тревоги. Вернув поднос, она уселась в центре камеры, сосредоточилась, попыталась сообразить, что можно сделать. *Если б концертина была при ней!* Игра на инструменте помогала лучше соображать.

5

Больше до конца дня никто не приходил. Гнев и разочарование никуда не делись, но скука накрыла их, словно одеялом. Лишившись линз, Кира могла развлекаться лишь собственными мыслями, а они на тот момент были отнюдь не веселые.

В итоге Кира прибегла к тому же средству, каким пользовалась в каждом длительном сверхсветовом перелете с тех пор, как покинула сигму Дракона, – то есть задремала, соскользнула в инертный полусон, в котором Кроткий Клинок мог поддерживать ее силы и готовить к тому, что предстояло.

Так она провела весь день, прервавшись на безвкусный обед и совсем уж невкусный ужин, которым ее угощали солдаты.

А потом свет снова затуманился, сделался красным, и полусон перешел в полноценный сон.

6

По полу пробежала дрожь.

Кира открыла глаза, нахлынули воспоминания о том, что произошло на «Смягчающих обстоятельствах». Наверное, была полночь. Или три часа ночи. Никакой возможности определить время, но Кира пролежала на боку так долго, что бедро болело, а рука затекла.

Снова дрожь, сильнее первой, и странное ощущение – скручивания, как в маглеве. На миг головокружение вынудило ее вцепиться в пол, затем равновесие восстановилось.

Прилив адреналина смыл остатки сна. Объяснение происходящему только одно: кольцевой обитаемый модуль покачивается. Черт. Это скверно.

Она поглядела в камеру.

– Эй! Что происходит?

Никто не ответил.

В третий раз камера сотряслась, свет над головой замигал. Где-то вдалеке послышался грохот – возможно, взрыва.

Кира похолодела. Включился инстинкт выживания, заглушая все прочие голоса. Станцию атакуют. В безопасности ли Кира? Зависит от источника, обеспечивающего электрический ток в стенах камеры, – и это при условии, что ракета или лазерный луч не ударят в саму камеру. Если камера подсоединена к основному реактору, а тот выключится, могут сработать мины. И если случится перепад мощности – тоже могут сработать. Если камера подключена к аккумуляторам, тогда, может, и обойдется. Но риск имеется. Большой риск.

БУМ!

Стены дрогнули, Кира пошатнулась. Свет вновь замигал, сильнее прежнего, и сердце Киры замерло. Одно мгновение она уже считала себя покойницей, но... Вселенная продолжала существовать. Кира продолжала существовать.

Она выпрямилась и посмотрела на дверь.

К черту ОВК и к черту Лигу. Она должна выбраться отсюда.

Глава III «Спасайся кто может!»

1

Кира решительно направилась к двери.

Выбор невелик: либо найти способ разрядить мины, либо найти способ перенаправить электрический ток так, чтобы можно было взломать дверь, не превратившись при этом в раскаленную добела гору шлака.

Пол вновь содрогнулся.

Какой бы вариант Кира ни выбрала, действовать надо быстро.

Разминирование – более надежный путь, но Кира не знала, как это осуществить. Если даже удастся просунуть несколько тонких шупалец вокруг дверной щели, ей не будет видно, что творится с той стороны. А нащупывая вслепую, можно подорваться.

Ладно. Значит, остается одно – перенаправить ток. Чужь защищала ее от удара тока, направляя электричество по проводящим дорожкам, огибающим ее тело. Значит, теоретически «скинсьют» сумеет сформировать эти дорожки, чтобы в момент, когда Кира откроет дверь, электрическая цепь не разорвалась. Верно? Если это рассуждение ошибочно, ей конец.

Свет на миг погас.

Вполне вероятно, ей по-любому конец.

Кира вызвала маску на лицо и присмотрелась к линиям тока, проходившим по внешней поверхности многогранника. С полдюжины из них пересекало дверь. Вот их-то и надо перенаправить.

Она постаралась максимально подробно и отчетливо визуализировать, что ей предстоит сделать. А главное – постаралась сообщить свои намерения Кроткому Клинку, а также – показать последствия неудачи. «Большой бабах», как сказал бы Алан.

– Обойдемся без «бабаха», – пробормотала Кира. – Давай уж на этот раз.

Затем она отпустила Кроткий Клинок и велела ему действовать самостоятельно.

Из груди Киры выскочила прядь тонких черных волосков; они тянулись вперед, пока не добрались до тех точек по обе стороны двери, откуда исходили линии электрического тока. Затем сквозь дверь потянулись дополнительные шупальца-провода, соединяя каждую точку с той, что предназначалась ей в пару.

Кира почувствовала, как чужь вбуравливается в стены, кончики волосков толщиной чуть ли не в один атом пронзали панели, искали провода.

Камера завибрировала так, что вместе с ней затряслась и Кира, дыхание на миг преклось. Еще несколько миллиметров пробурить и... есть контакт! Светящиеся бело-голубые линии тока перепрыгнули на «провода», созданные Кротким Клинком. Вместе с ними переместились и мерцающие петли магнитных полей, они свивались и переплетались в поисках новой точки равновесия. Кира замерла в ожидании неизбежного взрыва. Но взрыва не произошло, и она слегка расслабилась.

«Держись», – велела она Кроткому Клинку. Просунув пальцы между «проводами», обхватила запорное устройство двери и вновь велела «скинсьюту» проникнуть в дверь. Металл заскрежетал, потом послышалась смачный рвущийся звук – дверь приоткрылась.

В щель хлынуло пронзительное завывание сирены.

Очень осторожно (словно пытаясь погладить спящего тигроцапа и не разбудить его) Кира толкнула дверь наружу.

Дверь распахнулась – протестующе взвизгнув, но распахнулась.

Кира чуть не засмеялась. Обошлось без «бабах».

Она сделала шаг. Провода окружили ее, когда она переступала порог, и хотя линии тока искривились, они нигде не прервались.

Свободна!

Холл превратился в хаос нестерпимо ярких красок. Аварийная подсветка раскрасила стены в красный, на полу и потолке горели цепочки желтых стрелок. Стрелки указывали по ходу вращения кольцевого модуля: если пойти по ним, попадешь в ближайшее штормовое убежище.

Что теперь делать?

– Стой! – заорал мужской голос. – Руки на голову.

Кира обернулась и увидела двух бойцов в бронескафандрах у колонны примерно в девяти метрах справа. У одного в руках бластер, у другого карабин. За их спинами оторвалась от пола четверка дронов, зависла над головой, жужжа.

– На пол! Иначе размозжу башку! У тебя пять секунд! – крикнул тот, что с бластером.

Кира подняла руки и отступила на шаг от порога камеры. Два тонких щупальца все еще соединяли ее с обходными «проводами», которые «скинсьют» сформировал в дверном проеме.

Солдаты оцепенели, а жужжание дронов усилилось – роботы подлетели и теперь носились вокруг нее по широкому кольцу.

Она сделала еще шаг.

Бац!

Массивная золотая пуля расплющилась на полу перед ней, левую ногу дернуло – попал осколок.

– Мы не шутим, мисс! Мы вас продырявим! На пол, ща! Повторять не...

– Не дурите! – резко ответила она. – Ты в меня не выстрелишь, морпех. Ты хоть соображаешь, какую головомойку задаст тебе полковник Шталь, если ты меня убьешь? ОВК потеряло немало хороших парней только ради того, чтобы доставить меня сюда.

– Заткни фонтан. У нас приказ – остановить тебя, если понадобится – убить. На пол, черт тебя дери!

– Ладно. Ладно!

Кира прикинула – она успела всего метра на полтора отойти от камеры. Хоть бы этого хватило!

Нагнулась, словно собираясь встать на колени, и, резко упав, перекатилась вперед, рывком подтянув при этом «провода», подсоединенные к многограннику. Ярко-белая вспышка, зрение на миг померкло, и взрывная волна обрушилась на Киру с такой силой, что чуть зубы не выскочили.

2

Если б не «скинсьют», силой взрыва Киру пронесло бы чуть ли не через весь холл. Но чужь вцепилась в палубу, словно осьминог, крепко держащийся на месте в шторм. Удушливый жар окутал Киру – жар такой интенсивности, что и Кроткий Клинок не мог полностью ее защитить.

Потом дохнуло прохладой, и зрение прояснилось.

Слегка ошеломленная, Кира поднялась на ноги.

Взрыв вырвал несколько квадратных метров пола, оставив кратер размолотого покрытия, проводов, труб и деталей каких-то механизмов. В центре кратера дымилась изуродованная, оплавленная груда металла и пластика – бывшая камера.

Осколки вонзились в пол и потолок, широким кольцом охватив эпицентр. Зазубренный осколок одного из кумулятивных снарядов торчал из палубы в считанных сантиметрах от головы Киры.

Она не ожидала столь мощного взрыва. Похоже, ОВК готово на все, лишь бы не дать чужим уйти. Заряд такой силы должен был не просто убить ее – уничтожить бесследно.

Нужно найти Итари.

В стороне распростерлись двое морпехов. Один бесцельно махал руками, словно забыл, где верх, где низ. Второй уже поднялся на четвереньки и полз к своему бластеру. Три дрона, сбитые, валялись на полу. Четвертый висел в воздухе под странным углом, его лопасти вращались рывками.

Кира проткнула дрон клинком, который чужь сформировала из ее воссозданной руки. Сломанная машина свалилась на пол с жалобным воем, пропеллер прокрутился в последний раз и замер.

Кира пронеслась через холл и настигла морпеха, тянувшегося к бластеру. Сбила его с ног, тот рухнул ничком, и прежде, чем он успел опомниться, Кира воткнула Кроткий Клинок в сочленение брони и перерезала провод, обездвижив бойца. Броня весила тонну (вообще-то даже больше), но Кира перевернула морпеха, ухватила забрало и выдернула из шлема.

– Ответьте, черт побери! – крикнул морпех в рацию. Затем сжал челюсти и посмотрел на Киру с ужасом, плохо замаскированным под гнев. Глаза у него были зеленые, и он выглядел таким же юным, как Триг, хотя само по себе это ничего не значило.

Ага. Рация не работает. Это ей на руку. И все же Кира мгновение помедлила. Вырваться из камеры было спонтанным решением, но теперь на нее обрушилась суровая реальность ситуации. На космической станции негде спрятаться. Не укрыться от вездесущих камер. ОВК проследит каждое ее движение. И хотя связь отключилась, морпех поймет, куда она направляется, как только она спросит его об Итари.

Морпех уловил ее нерешительность.

– Ну? – презрительно усмехнулся он. – Чего ждешь? Кончай скорее.

«Он думает, я собираюсь его убить», – эта мысль показалась настолько несправедливой, что Кире захотелось оправдаться.

Пол под ними дрогнул, и где-то пронзительно-отчаянно заверещал сигнал разгерметизации.

– Слушай внимательно, – сказала Кира. – Я помочь пытаюсь, придурок.

– Помогла так помогла.

– Заткнись и слушай. На нас напали. То ли медузы, то ли жути – сейчас неважно. В любом случае, если нас взорвут, все кончено. Мы проиграли. Мы покойники. Ясно?

– Чуть собачья, – выплюнул ей в лицо морпех. – Адмирал Кляйн только что вылетел с Седьмым флотом. Он загонит этих ублюдков обратно в каменный век. Уж они у него свое получают.

– Ты не понимаешь, боец. Инопланетянин, который прилетел вместе со мной на «Рогатке» – тот, кого вы заперли, – он привез предложение мира. Мира! Если он погибнет, как, по-твоему, отреагируют остальные медузы? И как воспримет это премьер? – На лице морпеха проступило сомнение; но Кира и сама не была на все сто уверена в своих словах. – Если этот инопланетянин погибнет, будет уже все равно, чего добьется Седьмой флот. Ты меня понял? Сколько еще продержится эта станция, как по-твоему?

Словно в подкрепление ее вопроса вокруг все заходило ходуном – «Орстед» трянуло сильнее прежнего.

Желчь подступила к горлу, стало нехорошо.

– Надо вытащить инопланетянина отсюда.

Морпех на миг зажмурился. Потом покачал головой – гримасничая, словно от боли – и сказал:

– К черту все. Изолятор. Туда они засунули медузу. В изолятор.

– Где?

– На этой палубе. Против хода вращения. У парников.

– А экипаж «Рогатки»?

– В камерах. В той же части станции. Мимо не пройдешь.

Кира оттолкнула от себя моряка и встала.

– Хорошо. Ты принял верное решение.

Он снова сплюнул, на этот раз на пол:

– Предашь нас – я тебя своими руками убью.

– Не сомневаюсь, – сказала Кира, уже шагая прочь.

Из экзоскелета он будет минимум полчаса выбираться, так что этот боец угрозы для нее не представлял. Но ожил другой. Кира кинулась к нему, ухватила сверху за шлем, открыла защелку на спине и выдернула систему охлаждения. Экзоскелет тут же отключился, чтобы предотвратить перегрев.

Вот так! Пусть теперь попробуют ее догнать.

Забыв про морпехов, Кира пустилась бежать против направления, указанного желтыми стрелками. «Спрячь меня», – попросила она Кроткий Клинок. По коже будто бы легко прошелестела шелковая ткань, и, глянув вниз, Кира не увидела своего тела, словно оно сделалось прозрачным.

Конечно, ее могли отследить тепловые датчики, но вряд ли внутренние камеры станции настроены на полный спектр. Во всяком случае, так военным труднее будет ее поймать. Сколько у нее времени до той минуты, как они явятся проверить, что за взрыв уничтожил ее камеру? Очень мало. Очень-очень мало, хотя на «Орстед» напали, и это отвлекает основные силы.

От холла отходил длинный коридор. Длинный и пустой. Все или прятались, или занимались системами обеспечения, или сражались с врагом. Какова бы ни была причина, путь оказался свободен, и это Киру обрадовало: ей вовсе не хотелось сражаться с отрядом морпехов. В конце концов, они же на одной стороне. Кира пробежала по коридору, игнорируя попадавшиеся порой траволаторы. На своих двоих она двигалась быстрее. И все время высматривала надписи на стенах, чтобы выяснить местоположение парников. Обычно люди ориентировались, включая дополненную реальность, но по закону все корабли и станции были обязаны иметь четкие обозначения на случай экстренных ситуаций.

«А у нас ситуация экстренней некуда», – подумала Кира. Однако вопреки требованиям закона надписи, которые ей удавалось найти, были мелкими, бледными, неразборчивыми, и это ее задерживало.

На развилке она обежала вокруг фонтана, струя которого описывала, вздымаясь и опадая, две трети символа бесконечности. Мелочь вроде бы, но Киру это зрелище слегка заворожило. Эффект Кориолиса всегда вступал в противоречие с ее представлениями о том, как должна действовать гравитация, естественная или искусственная. Наверное, это не казалось бы столь странным, если бы она выросла на кольцевой станции, тем более на такой маленькой, как «Орстед».

Должно быть, она пробежала уже с полкилометра и забеспокоилась, не солгал ли ей морпех, не следует ли повернуть назад, но тут на ближайшем углу проступили две строчки бледно-зеленых букв.

Верхняя: «Парники – 7 G».

Нижняя: «Камеры – 16 G».

На другой стене коридора обнаружилась еще одна надпись: «Изолятор и санитарная обработка – 21 G». В глубине коридора Кира разглядела контрольный пункт: закрытую дверь, по бокам от нее бронированные ворота и пара обзорных экранов. Перед дверью дежурило двое морпехов в полной боевой выкладке. Даже сейчас, когда станция подверглась нападению, они не покинули свой пост. И внутри вполне могут быть другие бойцы. Кира быстро прикинула варианты: вероятно, она сумеет подобраться достаточно близко и отключить экзоскелеты этих двоих, но еще с одним-двумя ей не справиться. И как только она вытащит Итари, всем станет известно, где она.

Черт! Если сейчас напасть на морпехов, исход непредсказуем. Почти мгновенно события выйдут из-под контроля и тогда... тогда... Скорее всего, погибнет немало людей.

Легкая дрожь прошла по палубе. Что бы Кира ни решила делать, действовать надо безотлагательно. А то и сама станция вот-вот выйдет из-под контроля.

Она буквально заставила себя свернуть в сторону. Одной не справиться. Если удастся освободить экипаж «Рогатки», друзья ее прикроют, в этом Кира была уверена. И вместе они, может быть, найдут выход. Может быть.

Кровь громко стучала у нее в ушах, когда Кира мчалась по боковому коридору к камерам. Если там такая же усиленная охрана, как у изолятора – что тогда делать? Соблазн дать волю Кроткому Клинку был силен, но Кира усвоила урок и ни в коем случае не собиралась вновь наделать ошибок, подобных той, которая привела к появлению жутей. Галактика может такое и не пережить.

Надписи на стене провели Киру по нескольким одинаковым коридорам.

Завернув за очередной угол, примерно посередине коридора она увидела мужчину и женщину, стоявших на коленях перед гермодверью. Руки их по запястьям ушли в люк, который они смогли открыть в стене, лица подсвечивало актиническое мерцание электрического освещения. На обоих не было ни штанов, ни рубашек, только тускло-серые шорты. На бледной, как мел, коже, повсюду, кроме лица, – светящиеся голубые татуировки, линии, образующие узор, похожий на линии тока и на тот фрактал, что Кира видела в потайной пещере на Адрастее.

Без мантий она не сразу узнала энтропистов, Вееру и Джоруса.

Она все еще была невидима и слишком далеко, чтобы они могли услышать ее шаги, но каким-то образом энтрописты догадались о ее приближении. Даже не оглянувшись, Джоррус приветствовал ее:

- А, узница Наварес.
- Вы сумели присоединиться к нам. Мы...
- ...надеялись, что так и будет.

Энтрописты что-то сместили в стене, и гермодверь распахнулась. За ней оказалась голая, спартанская камера.

Из камеры вышел Фалькони.

- Наконец-то, – сказал он.

3

Кира отменила режим невидимости, и Фалькони заметил ее.

- Ты уже здесь, – чуть улыбнулся он. – Я-то думал, придется нам тебя искать.
- Ага, – ответила она и подошла ближе.

Энтрописты занялись следующей дверью.

- Тоже была запаерти? – спросил Фалькони.

Она вздернула подбородок:

- Само собой.
- И вряд ли тебе удалось освободиться незаметно.

– Да уж.

Он хищно обнажил зубы:

– Черт! Надо поторапливаться.

– Как вы сумели освободиться? – спросила Кира энтропистов.

Веера рассмеялась – коротко, пронзительно: сказалось напряжение.

– У нас всегда отбирают мантии и думают...

– ...что этого достаточно. Мы кое-чего стоим и без многоцветных мантий, узница.

– К счастью для нас, – промурлыкал Фалькони. И спросил Киру: – Не догадываешься, кто напал на станцию?

Она хотела было сказать «нет», однако на миг призадумалась. Она не чувствовала и намек на тот зов, который всегда возникал, стоило появиться рядом кораблям медуз. А это означало...

– Практически уверена, что это жути.

– Здорово. Тем больше причин поторапливаться. В суматохе никто и не заметит, что мы удрали.

– Уверен? – спросила Кира.

Фалькони сразу же понял смысл вопроса. Если он и другие члены экипажа сбегут, амнистия будет аннулирована, и ОВК, в отличие от местных властей на Руслане, будет преследовать их и за границами системы. Экипаж «Рогатки» окажется под угрозой во всем заселенном людьми космосе, за исключением разве что Шин-Зара и крошечных свободных владений на дальних рубежах.

– Еще как уверен, черт меня подери, – ответил капитан, и Киру согрело тепло товарищества. По крайней мере, она точно не будет одна. – Веера, Джоррус! Установили связь с Грегоровичем?

Энтрописты покачали головами. Они все еще возились с проводами в стене рядом с соседней гермодверью:

– Доступ к системе станции ограничен и...

– ...у нас нет передатчика, достаточно мощного, чтобы волны прошли сквозь все стены и достигли «Рогатки».

– Черт, – нахмурился Фалькони.

– Где охрана? – спросила Кира. Она ожидала застать возле камер целый взвод морпехов.

Фалькони кивком указал на энтропистов:

– Не знаю. Эта парочка перенастроила видеокамеры, чтобы выиграть время. У нас примерно пять минут в запасе, прежде чем контрольная система станции нас заметит.

Веера подняла один палец, не прерывая возни с замком.

– Вероятно, нам удастся также взломать...

– ...сенсоры станции, и это даст нам еще немного времени, – подхватил Джоррус.

Фалькони одобрительно хмыкнул:

– Попробуйте, ребята... А чертову дверь вы откроете, наконец?

– Стараемся, капитан, – ответили оба.

– Дайте я, – вызвалась Кира.

Она подняла правую руку, и Кроткий Клинок превратил пальцы ее правой «руки» в лезвия и шипы.

– Осторожнее, – предупредил Фалькони. – В стене могут быть трубы со сжатым воздухом и провода высокого напряжения.

– Об этом можно...

– ...не беспокоиться, – сказали энтрописты, отходя в сторону.

Кира шагнула вперед, радуясь, что и ей нашлось дело. Она ударила кулаком по металлу и велела Кроткому Клинку внедриться внутрь. Чужь распространилась по поверхности стены,

щупальца проникли глубоко в механизм, удерживавший дверь. Затем Кира потянула, болты со скрежетом переломились, а дверь легко скользнула прочь по смазанным рельсам.

Внутри оказалась небольшая камера. Возле койки, пригнувшись, стояла Воробей, готовая к схватке.

– Туле! – выдохнула она при виде Киры. – Повезло, что ты с нами.

Фалькони щелкнул пальцами:

– Охраняй периметр.

– Есть! – Воробей стремительно выскочила из камеры, пробежала дальше по коридору и остановилась на углу.

– Туда! – велел Фалькони, указывая Кире на следующую гермодверь.

Кира подошла к ней и взломала ее, как и первую. Внутри неторопливо поднялась Хва-Йунг.

– Деремся! – сказала механик, расплываясь в улыбке.

– Деремся! – ответила Кира.

– Эту! – велел Фалькони.

Еще одна дверь. Скрежет металла. Внутри Нильсен. Она быстро кивнула Кире и встала рядом с Фалькони.

Последним Кира освободила Вишала. Врач выглядел немного усталым, но улыбнулся Кире и сказал:

– Как приятно вас видеть.

И еще шире улыбнулся, когда, выйдя из камеры, обнаружил Нильсен и всех остальных.

Фалькони повернулся к энтропистам:

– Вы нашли Трига?

Пауза, Кира чуть не завизжала от нетерпения.

Джоррус ответил:

– Полной уверенности нет, но, кажется...

– ...они оставили Трига в стазисе на «Рогатке».

– Фалькони, – тихо заговорила Кира, – надо спасти и медузу. Если мы не вытащим Итари отсюда, то, скорее всего, и нам большой пользы от побега не будет.

Он уставился на нее, ледяные глаза сузились, присматриваясь к ней, лицо лишено эмоций, хотя Кира знала, что капитан – как и она сама – сильно озабочен. Так озабочен, что в его душе уже нет места для паники.

– Уверена? – негромко и грозно спросил он.

– Уверена.

И тут словно что-то в нем щелкнуло. Лицо затвердело, глаза сурово блеснули.

– Воробей! – позвал он.

– Да, сэр?

– Нам нужно вытащить медузу и каким-то образом убраться с этой груды металла. Какие варианты?

На миг показалось, что Воробей затеет спор. Но она, как и Фалькони, проглотила возражения и сосредоточилась на поставленной задаче.

– Можно отключить электричество в изоляторе, – предложила Нильсен, подойдя к ним.

Воробей покачала головой:

– Не получится. Там есть запасной источник энергии.

Не прерывая фразы, она встала на колени и закатала правую штанину. Затем воткнула ногти в лодыжку и, к изумлению Киры, подняла лоскут кожи, а под ним обнаружился крепившийся к кости небольшой тайник.

– Лучше всегда быть наготове, – пояснила Воробей, поймав на себе взгляд Киры.

Из тайника она вытащила узкий, с тонким лезвием нож – стеклянный на вид, не из металла, – черную мелкоячеистую проволочную сетку, которую натянула на руки, словно перчатки, и три маленьких шарика, казавшихся теплыми, как будто из плоти.

– Однажды тебе придется объясниться, – предупредил Фалькони, указывая на лодыжку Воробья.

– Однажды, – наклонила она коротко стриженную голову, закрыла свой тайник и распрямилась. – Но не сейчас.

И спросила Киру:

– Что там делается возле изолятора?

Кира описала, как выглядит контрольный пункт, упомянула двух морпехов на посту. Легкая улыбка скользнула по лицу Воробья.

– Отлично, тогда вот что мы сделаем. – Она щелкнула пальцами, подзывая Вееру. – По моему сигналу ты подойдешь туда, чтобы морпехи тебя увидели...

– Это...

– Делай, как сказано. Кира...

– Я могу стать невидимой, – перебила ее Кира и быстро пояснила, как именно.

Воробей вздернула острый подбородок.

– Это упрощает дело. О морпехах на посту я позабочусь. Будь готова убрать любого, кто выйдет изнутри. Усекла?

– Усекла.

– Отлично. Вперед.

4

Кира вновь включила режим невидимости и спряталась вместе с Воробьем в холле, выходящем в центральный коридор.

– Славный фокус, – шепнула Воробей.

Веера обошла их и повернула за угол, к изолятору. У энтропистки была довольно пышная фигура (в мантии она казалась субтильнее), и татуировка на бледной коже лишь подчеркивала выразительные формы. Такое зрелище не могло не привлечь внимание, и в том-то и состоял замысел Воробья.

– Вперед! – скомандовала бывший морпех, выскакивая из засады – вбок, чтобы не попасться на глаза дежурным.

Кира рванула в другую сторону, они заняли позиции по бокам от Вееры, у противоположных стен прохода к изолятору.

Как только Веера вступила в этот проход, морпехи ее увидели. Кира услышала, как с глухим бряцанием разворачиваются бронескафандры и мужской голос растерянно произнес:

– Эй, вы! Что за...

Договорить ему не удалось. Воробей высунула руку из-за угла и кинула в сторону морпехов те странные, словно телесные шарики. Прозвучало три кратких «бззз!» – экзоскелеты подстрелили шарики в воздухе.

Зря они это сделали.

Тройная вспышка света озарила коридор, затем все наполнилось дымом, и благодаря аугментированному зрению Кира разглядела фиолетовые искры электромагнитной энергии. Что за черт?

Воробей не промедлила ни секунды. Она выскочила из-за угла и растворилась в дыму. Заскрежетал металл, и миг спустя раздался двойной грохот: бронескафандры, обездвиженные, рухнули на палубу.

Кира следовала по пятам. Включив инфракрасное зрение, она заметила, как открылась дверь изолятора. Вперед выступил морпех в броне: бластер уже поднят, готов стрелять. За ним маячили еще трое, переворачивали столы, чтобы укрыться за ними.

Даже сенсоры боевого экзоскелета не предупредили передового морпеха о приближении Киры. Она со всей силы налетела на него, и сотни волокон Кроткого Клинка разом проникли в броню. Полмгновения – и они нащупали слабые места и отключили экзоскелет.

Морпех в отключенном бронескафандре начал заваливаться на бок. Кира оттащила его в сторону, кувырком влетела в изолятор, перекатилась через голову, снова встала на ноги. Ни один из карауливших внутри морпехов не сумел определить, где в точности она находится, но это не помешало им стрелять вслепую в ту точку, которую она только что покинула. Опоздали. Лазерный луч проделал дыру в спинке стула рядом с ней, но Кира уже мчалась дальше, раскидывая щупальца по тесному помещению, ловя одного морпеха за другим.

«Не убивай», – приказала она Кроткому Клинку, отчаянно надеясь, что тот послушается. Время измерялось ударами сердца – раз, два, – и трое морпехов уже на полу. Под тяжестью брони ломались столы, сметались со стен полки, в полу оставались вмятины.

– Всех убрала? – осведомилась Воробей, заглядывая в дверь.

Кира стала видимой и кивнула. Внутри караульного помещения обнаружилась другая дверь, которая вела во впечатляющих размеров дезинфекционную камеру. А дальше виднелась третья гермодверь, и уж за той, догадалась Кира, был изолятор, где поместили Итари.

– Прикрой меня, – попросила она.

– Вас понял.

Быть может, удалось бы выбить код доступа из морпехов, но какой смысл тратить на это время? Кира подбежала к гермодвери, вытянула руки и велела Кроткому Клинку действовать. Оторвав эту дверь, сквозь окно гермодвери на другом конце дезинфекционной камеры она разглядела Итари. Медуза сидела неподвижно, свернув под собой щупальца, похожие сейчас на ножки мертвого паука.

Облегчение волной захлестнуло Киру. Хотя бы место они установили точно. Она остановилась у гермодвери, и вновь Кроткий Клинок запустил щупальца в механизм и рванул.

Щелк! Замок сломался. Чужь принялась тянуть и толкать, пока не откатила дверь.

Близковоние вопроса коснулось ноздрей Киры. Медуза неторопливо разворачивала щупальца.

[[Итари: Идеалис?]]

[[Кира: Если вы действительно хотите мира, нам надо покинуть это место.]]

[[Итари: Эти двуформы наши враги?]]

[[Кира: Нет, но они так думают. Пожалуйста, не убивай их. Но и не дай им себя убить.]]

[[Итари: Как прикажешь, Идеалис.]]

Кира шла к своим товарищам и слышала, как Итари следует за ней: щупальца шуршали, словно сухие листья.

– Все в порядке? – спросил Фалькони, когда она выбралась из дыма вместе с Итари и Воробьем.

Веера отыскала где-то в караульной куртку и как раз натягивала ее на себя.

– Ага, – ответила Воробей. – Сиськи – это всегда срабатывает. Отвлекает парней.

– Надо выбираться – и поскорее.

«Орстед» вновь содрогнулась, и Вишал сказал:

– Поскорее, храни нас небо.

– Веера! Джоррус! – окликнул Фалькони.

– Да, капитан.
– По-прежнему нет связи с Грегоровичем?
– Связь не установлена.
– Помехи?
– Нет. Его отключили.
– Он же озверевает, – нахмурилась Хва-Йунг.
– Это к лучшему. Нам пригодится, – хмыкнул Фалькони и жестом охватил свою команду. – Так. Мы пойдем по центральному коридору. Увидите кого – рассыпьтесь и прячьтесь. Не попадайтесь в плен, вас используют как заложников. Кира, драться придется тебе. Мы все безоружны.

– Не все, – перебила Воробей, выставляя напоказ правую руку. В пальцах у нее был зажат тот самый, будто стеклянный, кинжал.

Кира указала на павших морпехов:

– А их...

– Бесполезно, – сказал Фалькони. – Их бластеры запаролены. Никто из гражданских не сможет ими воспользоваться без доступа от ОВК. Хватит болтать. Идем...

С глухим стуком гермодвери захлопнулись, перекрывая отсек во всех направлениях, кроме того коридора, который вел к камере, где прежде находилась Кира. Затем раздался грохот приближающихся экзоскелетов, и показалось двадцать с лишним морпехов, вооруженных бластерами и электромагнитными винтовками. Несколько рядовых подтаскивали турели. Бойцов сопровождало облачко похожих на шмелей дронов.

– Стоять! Не двигаться! – проорал усиленный динамиками голос.

5

Кира и все остальные, включая медузу, отступили в коридор у биоизолятора и спрятались за углом. Голос загромычал вновь:

– Мы знаем, что ты пытаешься устроить побег медузе, Наварес! Рядовой Ларретт все рассказал.

Ларретт, сообразила Кира. Тот морпех, которого она расспросила, выбравшись из камеры.

– Сукин сын, – пробормотала она.

– Есть у кого идеи? А то удача, похоже, отвернулась от нас. – Лицо Фалькони посуровело.

И тут из динамиков, встроенных в светящийся потолок, заговорил Шталь – так громко, что заглушил даже вой сирен:

– Кира, ты сама себе вредишь. Драка никому не пойдет на пользу, и меньше всего тебе. Остановись, вели медузе вернуться в камеру, и никто не...

Палуба вновь задрожала и накренилась у них под ногами.

Кира не медлила. Она знала: нужно что-то делать.

Она выскочила в коридор и метнула разом десяток дротиков из груди и ног. Метнула их вперед и вниз, так, чтобы пронзить палубу во многих местах.

Только не теряй контроль. Только не...

В ушах зажужжало – пуля отскочила от ее головы – и, по ощущениям, другие пули ударили в ребра, прямо у сердца. Кира потянула дротики к себе, вырывая из пола огромные куски.

По ее приказу Кроткий Клинок соединил эти обломки, наслаивая их края, словно чешую, формируя высокий клиновидный щит. В щите тут же появились отверстия размером с палец, добела раскаленные по краям, капающие расплавленным металлом. По холлу разносилось свирепое жужжание бластеров.

Кира шагнула вперед, и Кроткий Клинок сместил вперед щит. Кира приказала Кроткому Клинку захватить новые куски палубы и подтащить их к щиту, чтобы тот стал шире и толще.

– Ко мне! – крикнула она, и весь экипаж (вместе с медузой) кинулся следом.

– Мы за тобой! – откликнулся Фалькони.

Пули визжали над головой, затем щит содрогнулся от взрыва, ударную волну Кира ощутила всем телом.

– Граната! – крикнула Воробей.

[[Итари: Чем помочь, Идеалис?]]

[[Кира: Постарайся никого не убивать и не забегай вперед.]]

Пара дронов зависла у края щита. Кира проткнула их двумя быстрыми ударами и продолжала шагать вперед. Пол был изувечен, торчали скрученные решетки, обнажившиеся трубы – надо следить, чтобы не споткнуться.

– Выведи нас к терминалу! – приказал Фалькони.

Кира кивнула, едва прислушиваясь к его словам. Не имея возможности разглядеть, что находится перед ней, она продолжала с помощью своего «скинсьюта» срывать покрытие палубы, панели со стен, скамьи – все, что можно было использовать для защиты. Она не знала, какой вес «скинсьют» способен сдвинуть с места или удержать, но собиралась это выяснить.

Еще одна граната угодила в щит. На этот раз Кира почти ничего не почувствовала.

Несколько щупалец чужи наткнулись на что-то длинное, гладкое и теплое (не просто теплое – горячее, раскаленное, коснись она этого предмета голой рукой, он бы прожег дыру в кожи и плоти): это была лазерная турель. И ее Кира тоже добавила к выстраиваемой баррикаде, сунула в щель между двумя скамьями.

– Еще дроны! – предупредил Вишал.

Он еще не договорил, а Кира уже создала паутину из распорок и стержней из металла и из волокон «скинсьюта» между щитом, потолком и дальними стенами. Она слышала, как там и сям дроны сталкиваются с сотворенным ею барьером, – их пропеллеры начинали гудеть с натугой.

Кира вздрогнула: гранаты пробили дыру в только что сплетенной паутине.

– Господи! – вскрикнул Фалькони.

Дроны устремились к открывшейся щели. Один успел нырнуть внутрь, но Итари, ловко взмахнув щупальцем, сбило его. Прежде чем остальные дроны последовали за ним, прежде чем они заняли позицию, с которой могли бы подстрелить кого-нибудь из ее спутников, Кира щупальцами выхватила их всех из воздуха, словно лягушка, проворно ловящая языком мух, – и раздавила.

Всех до одного.

Она чувствовала, как «скинсьют» растет, подкрепляясь металлом, углеродом и всем, что ему требовалось. Он поглощал материалы станции. Ее руки выглядели теперь толще, ноги тоже, и тело наполнялось ощущением силы – ей казалось, она могла бы пробить туннель в скальных породах.

Выстрелы стихли. Морпехи прекратили огонь и побежали вспять, их тяжелые ботинки часто стучали по палубе холла.

Кира зарычала им вслед. Значит, поняли, что сражаться с ней бесполезно. Хорошо! А теперь, если ей удастся благополучно доставить всех на «Рогатку»...

Она услышала – не увидела, – как захлопнулась гермодверь перед ними. Потом другая, за ней еще и еще – по всему холлу.

– Черт! – пробурчала Нильсен. – Они нас заперли.

– Держитесь рядом! – скомандовала Кира.

Она неуклонно продвигалась вперед, пока не уперлась щитом в гермодверь.

Дверь была слишком велика и тяжела, ее быстро не прорежешь, но рама вокруг двери оказалась более хлипкой. Несколько мгновений работы Кроткого Клинка – и дверь накренилась вперед и с оглушительным грохотом рухнула на пол.

В десяти метрах далее по коридору очередная бронированная дверь преградила им путь. Кира повторила тот же прием, и вторая дверь сдалась, как и первая. Затем третья... четвертая...

По-видимому, все двери у них на пути были заперты. Это не могло их остановить, но замедлить замедлило.

– Военные хотят выиграть время, – сказал Фалькони.

Кира хмыкнула в ответ:

– Наверняка готовятся встретить нас с музыкой у терминала.

Вдоль стен послышалось громкое шипение. По затылку и шее побежали мурашки тревоги. Это воздух выкачивают или, наоборот, что-то закачивают сюда?

– Газ! – крикнул Фалькони, подтягивая воротник рубашки, чтобы защитить рот и нос.

Остальные последовали его примеру. Одежда прилипла к лицам, образуя плотный фильтр. Энтрописты сделали какой-то таинственный жест, и татуировки растеклись по их лицам, превратившись в тонкую защитную мембрану.

«Потрясающе, – подумала Кира. – Нанотехнологии высшего уровня».

Как только добрались до последнего отрезка холла – уже перед терминалом, – на ее импровизированный щит обрушился шквальный огонь из карабинов, бластеров, электромагнитных ружей. Гремели гранаты. Взрывные волны отдавались в позвоночнике, но Кира распрямила плечи и решительно продвигалась вперед. Они одолели примерно полпути, и тогда Фалькони похлопал ее по плечу и сказал:

– Правее! Держи правее!

Он указал на вход в терминал.

Кира стала сдвигаться в этом направлении, но трубы под ее ногами завибрировали, и послышался звук, похожий на сходящую с горы лавину, – морпехи пошли в атаку.

За мгновение, которое у нее оставалось, Кира выдернула из пола решетки, поставила их вертикально, чтобы они подпирали изнутри щит, не позволяя ему скользить назад.

– Держитесь! – крикнула она.

Толстый щит прогнулся, поддался под натиском морпехов в полной броне. Раздался пугающий скрежет: бойцы отрывали куски от щита.

– Попались! – выдохнула Кира сквозь стиснутые зубы.

По ее приказу сотни тонких, как волосы, щупалец проникли сквозь толщу самодельного щита, впились во все его стыки и щели, ползя вперед и слепо нащупывая свой путь. Они упирались в гладкую броню морпехов, а дальше Кира применяла уже опробованную технику: щупальца забирались в скафандр, протискиваясь в сочленения и швы, и рвали все провода и трубки системы охлаждения, до каких могли дотянуться. Кира отступала, лишь натолкнувшись на горячую человеческую плоть.

Чтобы остановиться, требовалось усилие, но Кроткий Клинок подчинялся ее воле и соблюдал неприкосновенность плоти. Самоуверенность Киры росла.

По другую сторону щита скрежет стих, морпехи повалились с грохотом, достойным падения титанов.

– Ты их убила? – спросила Нильсен, и в наступившей тишине ее голос прозвучал чересчур громко.

Кира облизала губы.

– Нет.

Говорить было трудно, странно. Щит составлял большую часть ее самой – намного больше ее тела. Она ощущала каждый его квадратный сантиметр. Ошеломляющий наплыв

информации. «Наверное, похоже на то, с чем приходится иметь дело разуму корабля», – подумала Кира.

Она как раз собиралась отделиться от щита, когда в дальнем конце холла вновь зазвучали шаги.

Прежде чем она успела отреагировать, ярко вспыхнул и погас свет, осталась лишь аварийная подсветка на полу. Палуба не просто вздрогнула, но поднялась волной, и все, кроме Киры и медузы, пошатнулись и упали.

По холлу разнесся заводской грохот сминаемого металла, темный нос пронизанного жилами корабля проткнул пол и вырос посреди центрального коридора перед только что прибывшими морпехами. Завыли сирены, извещая о разгерметизации, из расщелины в боку вражеского корабля высыпали десятки жутей. Воздух прорезала частая дробь пулеметов, электрические щелчки разряжающихся бластеров: морпехи вступили в бой с обрушившимся на них макабрическим врагом.

– Ши-бал! – вскричала Хва-Йунг.

Закричала и Кира, подгоняя свой щит вперед, мимо бессильно распростертых морпехов, которых она успела обезоружить. Если жути сообразят, кто она такая – и что она такое, – то бросят все силы против нее. Кира уже не шла, а бежала трусцой, толкая вперед щит, и даже перестала добавлять к нему новые материалы: сейчас она думала только о том, как удрать побыстрее.

Она развернулась, прикрыв щитом Фалькони и всех остальных. Теперь выход из холла и терминал оказались у нее за спиной, и Кира стала отступать шаг за шагом, пока края щита не ударились в стены по обе стороны прохода. Тогда она стремительно подтянула к себе щит, превратив его в чашеобразную затычку внутри прохода. Она прикрепила щит к полу, потолку и стенам, пустив в ход изогнутые куски металла. Теперь, чтобы убрать щит, придется его резать. Иначе никак.

Фалькони похлопал Киру по плечу.

– Не возись! – прокричал он.

По терминалу разнеслось эхо: там, по ту сторону щита, взорвалась граната и морпехи с приглушенным звоном заколотили в щит.

Он продержится, но не очень долго.

Кира принялась отделять «скинсьют» от щита, чувствуя при этом, как уменьшается, приобретает привычные размеры.

Обернувшись, она увидела, как остальные уже перебежали небольшой терминал и пытаются открыть двери, чтобы выйти к маглеву.

С потолка раздался мужской голос:

– Говорит Удо Грамматикус, начальник станции «Орстед». Прекратите сопротивление, и я гарантирую, что вы не пострадаете. Это последнее предупреждение. Снаружи вас ждут двадцать тяжело вооруженных бойцов...

Он все еще что-то говорил, но Кира его отключила. Она подбежала к маглеву и услышала вопрос Фалькони:

– Мы сможем им воспользоваться?

– Все электричество, кроме освещения, вырублено, – ответила Хва-Йунг.

– То есть мы не сможем улететь? – уточнила Нильсен.

Хва-Йунг злобно фыркнула:

– Так не улетим... Маглев не работает.

– Должен быть другой способ попасть к стыковочным шлюзам, – сказал Вишал.

– Как? – поинтересовалась Воробей. – Нам туда не перепрыгнуть. Кира или медуза, может, и справятся, но мы-то превратимся в кровавые кляксы. Это тупик, черт возьми.

По ту сторону щита все еще стреляли: глухие, размеренные залпы. Морпехи пока сдерживали жутей. Во всяком случае, так Кира предположила.

– Угу, ясно, – сухо оборвал Воробья Фалькони и вновь обернулся к Хва-Йунг. – Ты у нас механик. Есть идеи? – Он оглянулся на энтропистов. – А у вас?

Веера и Джоррус раскинули руки, признавая свою беспомощность.

– Механика...

– ...не наша специальность.

– Меня это не устраивает. Должен быть способ вытащить нас отсюда, не убив по дороге. Механик нахмурилась:

– Конечно, способ есть. Будь у нас достаточно времени и материалов.

БУМ! – вновь разнеслось по терминалу.

– Ну, с этим нам не повезло, – признал Фалькони. – Придумайте хоть что-нибудь, мисс Сонг. Сколь угодно безумное. Подойдите к проблеме творчески. Я ведь для этого вас нанимал. Морщина на лбу Хва-Йунг сделалась еще глубже, и с минуту механик молчала.

Потом пробормотала: «Айгу!» – и забралась в вагон. Она водила руками по полу, постукивала там и сям кулаком. Потом помахала Кире, подзывая ее, и сказала:

– Вот. Взломай пол вот тут. – Она очертила квадрат на полу. – Осторожно. Убери только верхний слой. Ничего под ним не повреди.

– Поняла.

Кира обвела очертания квадрата указательным пальцем, кончик ногтя заскреб по серому пластику. Она повторила то же движение, усилив нажим, и из пальца выскочило тонкое, твердое, как алмаз, лезвие. Оно прорезало верхний слой пола примерно на сантиметр вглубь. Тогда Кира прижала к квадрату ладони – они прилипли, словно на них были гекконовые присоски, – и потянула, отделяя его от пола, будто отламывая кусочек печенья.

Хва-Йунг опустила на четвереньки и заглянула внутрь, чтобы изучить провода и шестеренки механизма. Кира понятия не имела, для чего они предназначены, но Хва-Йунг вроде бы хорошо в этом разбиралась. Грохот у входа в терминал нарастал. Кира оглянулась на щит: он начал прогибаться вовнутрь. Еще минута – и понадобится снова его укреплять.

Хва-Йунг издала гортанный звук и поднялась.

– Я могу сдвинуть эту штуковину с места, но для этого нужен источник энергии.

– Нельзя ли... – начал Фалькони.

– Нет! – отрезала Хва-Йунг. – Без энергии это никчемная железяка, и я ничего не могу с ней сделать.

Кира оглянулась на медузу.

[[Кира: Не можешь ли ты починить эту машину?]]

[[Итари: У меня нет подходящего источника энергии.]]

– А экзоскелеты? – спросила Нильсен. – Не сгодятся?

Хва-Йунг покачала головой:

– Запас энергии в них достаточный, но источник несовместимый.

– Что, если лазерную турель? – предложила Кира.

Механик слегка заколебалась, потом кивнула:

– Может быть. Если удастся подсоединить конденсаторы...

Кира не дождалась завершения фразы. Она выскочила из вагона и ринулась обратно к баррикаде. Как раз когда она добралась до щита, стук снаружи прекратился, и это насторожило Киру, но задумываться было некогда.

Выпустив из «скинсьюта» десятки извивающихся шупалец, она порылась в спутанной гряде обломков в поисках захороненной в глубине турели. Нашупала гладкий, твердый металл, все еще хранивший тепло выстрелов. Действуя настолько быстро, насколько было возможно,

не обрушив все сооружение, Кира принялась сгибать и сжимать соседние части щита, пока не образовался туннель, сквозь который она потащила наружу турель, – и все это время ей приходилось поддерживать цельность щита, так чтобы его наружная сторона оставалась гладкой и неподвижной.

– Пожалуйста, поторопись, – попросил Фалькони.

– Думаешь, я не тороплюсь? – заорала она.

Турель высвободилась, Кира подхватила ее обеими руками и, прижав к себе, словно готовую взорваться бомбу, помчалась обратно к маглеву и передала оружие Хва-Йунг.

Воробей постукивала своим стеклянным кинжалом по бедру и оглядывалась вокруг. Вдруг она схватила Киру за руку и оттащила в сторону.

– Что такое? – спросила Кира.

Тихо, напряженно Воробей шепнула ей:

– Эти жирноголовые собираются взорвать потолок или стены, чтобы пробиться к нам. Точно говорю. Срочно придумай, как их укрепить, – или мы все покойники.

– Займись. Всем отойти!

Кира оглядела тесный терминал и, как прежде в холле, выслала вперед десятки волокон Кроткого Клинка, разрешив чужи делать все, что та сочтет нужным. Пронзительный звон ударил ей в уши, когда чужь принялась разбирать пол, стены и потолок. Кира подтаскивала обломки к себе и торопливо собирала из них купол вокруг передней части станции маглева.

Осколки становились на место, а Киру вновь охватило то странное чувство – будто она расширяется во все стороны. Это чувство пьянило. Она не доверяла ему – не доверяла ни себе, ни Кроткому Клинку, – но соблазн разрастаться еще и еще был неотразим, и легкость, с какой у нее с Кротким Клинком получалось сотрудничать, укрепляла уверенность в себе.

Видимо, в одной из панелей, которую сорвала Кира, крепилось переговорное устройство: посыпались искры, и голос начальника станции «Орстед» умолк. Метр за метром Кира обдирала терминал, обнажая скрытый скелет станции: пересечение нервюр, анодированных для защиты от коррозии и унизанных отверстиями, позволяющими снизить нагрузку.

И вот уже она не различает ничего, кроме внутренней стороны построенного свода, но продолжает ее укреплять. Тьма накрыла всех, и Вишал, обернувшись, от вагона крикнул:

– Это не облегчает нам работу, мисс Наварес.

Терминал содрогнулся от взрыва.

– Пора в путь, – сказал Фалькони.

– Я делаю свое дело, – отозвалась Хва-Йунг.

Кира потянулась еще дальше, до самых своих пределов, и оказалось, что она может достать еще дальше. Сознание словно истончалось, распределяясь по все большей площади, количество поступающей информации ошеломляло: здесь давление больше, там меньше; над головой и под ногами – провода и трубы (она ощущала их царапины); щелчки электрических разрядов; жар и холод и тысячи разных ощущений в тысячах точек Кроткого Клинка, и все они меняются, распространяются, затапливая ее бесконечным количеством впечатлений.

Чересчур. Она не могла одновременно следить за всем, не поспевала. Кое-где ее надзор ослабевал, и там Кроткий Клинок действовал по собственной воле, продвигаясь вперед со смертоносной решимостью. Разум Киры рассыпался на кусочки, когда она пыталась сосредоточиться то на одном прорыве, то на другом, то на третьем, спеша призвать «скинсьют» к порядку, покорности. Но пока была занята этим здесь, в другом месте он продолжал расти... строить... становиться...

Она захлебывалась, исчезала, вытесняемая непомерным бытием Кроткого Клинка. В Кире вспыхнула паника. Но вспышка эта была слишком слаба, чтобы побудить ее обуздать «скинсьют». А от Кроткого Клинка исходило довольство: наконец-то он вырвался на волю и творит то, для чего предназначен. Он посылал Кире обрывки видений... желтые поля с пою-

щими цветами... воспоминания, которые... нечто, формой подобное дереву, но вместо коры металлическая чешуя... и эти видения еще более сбивали с толку, она почти... длиннотелье, пушистые твари с пятнистыми жвалами... невозможно сосредоточиться. В краткий миг ясного сознания Киру настиг ужас: что она натворила?

Ушами, которые не принадлежали ей, она слышала грохот рока: размеренную поступь солдат, вошедших во внешнюю часть терминала. Страх, острый, пронзительный, потревожил несколько нащупывающих во тьме добычу ложноножек. Напуганные, они отступили.

Нападут на Киру/Клинок, посмеют ли?

Стены, и нервы, и вся структура станции сминались под ее/их хваткой. Они обрушили эту часть станции вокруг щита. Палуба прогнулась, но это не имело значения. Лишь бы найти больше пищи – больше металла, больше минералов, больше, больше, больше. Голод охватил Киру/Клинок – ненасытная, способная пожрать весь мир алчба.

– Кира!

Голос прозвучал словно с дальнего конца туннеля. Кто это? Она не узнала. Или ей было все равно. Другие, более важные дела поглотили ее/их внимание.

– Кира!

В отдалении она/оно чувствовали руки, ее/его трясли, пытались тащить. Разумеется, сдвинуть ее с места никто бы не мог: она/оно цеплялись крепкими, переплетенными волокнами.

– Кира!

Боль обожгла ее/их лицо, но такая легкая, отдаленная, что ею можно было пренебречь.

Боль повторилась. И в третий раз.

В некоторых ее/их частях зародился гнев. Она/оно посмотрели внутрь и наружу во всех направлениях, глазами наверху и глазами внизу и глазами все еще из плоти, и эти глаза из плоти увидели мужчину, стоявшего перед ней, – натужно-красного, орущего.

Он ударил ее по лицу.

Этого хватило, чтобы сознание Киры прояснилось на миг. Она резко выдохнула, и Фалькони сказал:

– Приди в себя! Ты так нас всех убьешь.

Она уже чувствовала, как сползает обратно в вязкую гущу Кроткого Клинка.

– Ударь меня еще раз, – попросила она.

Не сразу, но он выполнил ее просьбу.

Глаза Киры налились кровью, однако резкая боль в щеке позволила сосредоточиться на чем-то вне Кроткого Клинка и таким образом действительно прийти в себя. Не без борьбы: она как будто собирала фрагменты своего разума, выдергивая их из жадных протянутых рук, из волокон «скинсьюта» – сильных, отчаянно цепких.

Страх придал силы, которых недоставало Кире. Пульс зачастил так, что она чуть не грохнулась в обморок, но устояла и с каждым мгновением все полнее собирала себя. Одновременно она отзывала Кроткий Клинок, запрещая рушить стены и помещения станции. Сначала Кроткий Клинок противился, не желая расставаться со своим великолепным замыслом и отдавать то, что уже поглотил.

Но в итоге он повиновался. Кроткий Клинок тоже «пришел в себя», свернулся, ужасся, восстановился, снова принял форму ее тела. Но все равно он был крупнее, чем ей требовалось, и стоило подумать об этом, как лишние нити, из которых состоял «скинсьют», усохли, обратились в прах. Поглощенные им вещества стали пылью.

Фалькони снова занес руку.

– погоди, – сказала Кира, и он повиновался.

К ней вернулся нормальный слух: она расслышала свист вытекающего воздуха и в отдалении сирену, вопящую о разгерметизации. Этот сигнал тревоги заглушал все прочие.

– Что это было? – спросил Фалькони.

Кира покачала головой, все еще чувствуя себя не вполне восстановившейся.

– Ты пробила дыру в корпuse, еще немного – и мы бы все выпали в открытый космос.

Кира подняла глаза и вздрогнула, увидев прямо над ними тонкую, темную полосу – пустоту, проступавшую сквозь разрушенный потолок и несколько слоев разодранных палуб. Звезды летели над этой щелью – сумасшедший небесный калейдоскоп, несущийся с ошеломительной скоростью.

– Потеряла контроль над собой. Прошу прощения. – Она кашлянула.

Снаружи у защитного купола что-то изменилось.

– Хва-Йунг! – крикнул Фалькони. – Пора удирать. Кроме шуток.

– Айгу! Не дергайте меня.

Фалькони обернулся к Кире:

– Идти можешь?

– Думаю, да. – Навязчивое присутствие Кроткого Клинка все еще неприятно шевелилось в мозгу, но самосознание окрепло и не давало слабину.

Снаружи что-то гремело. А потом раздалось шипение с плевками, будто перетрудились паяльная лампа. Внутри защитного купола появилось тускло-красное пятно, потом оно сделалось желтым, и почти сразу же в том тесном пространстве, где они находились, начала расти температура.

– Что это? – спросила Нильсен.

– Черт! – поморщилась Воробей. – Эти гады пустили в ход термокопье!

– Жар убьет нас, – предупредил Вишал.

Фалькони повелительно махнул рукой:

– Все в вагон!

– Я могу их остановить! – вызвалась Кира, хотя страх вновь охватил ее. Если она сосредоточит усилия на одной задаче и не позволит Кроткому Клинку разгуляться... Еще не договорив, она принялась обдирать пол внутри купола и пришлепывать эти куски к раскаленному кругу. Из-под плавящихся кусков пластика выбивался в щели дым.

– Брось это! Надо бежать! – крикнул Фалькони.

– Двери закройте. Я дам вам время.

– Прекрати ерундить. Марш в вагон! Это приказ.

[[Итари: Идеалис, пора уходить.]]

Медуза уже втиснулась в переднюю часть маглева, свесив шупальца по бокам.

– Нет! Я смогу их задержать. Скажите мне, когда вы...

Фалькони схватил ее за плечи и развернул к себе.

– Сейчас же! Я не собираюсь никого тут бросать. Пошла! – В свете плавящегося купола его голубые глаза казались яркими, словно два раскаленных солнца.

И Кира сдалась. Она оставила в покое купол и позволила Фалькони оттащить ее в вагон. Воробей и Нильсен с громким стуком захлопнули двери.

– Хочешь, чтоб тебя убили? – порычал Фалькони Кире в ухо. – Неуязвимой себя вообразила?

– Нет, но...

– Помолчи. Хва-Йунг, мы можем наконец лететь?

– Сейчас, капитан, сейчас.

Из центра докрасна раскаленного круга вырвалась струя жидкого белого металла – термокопье прожгло щит насквозь. Огненная струя двигалась вниз, медленно прорезая отверстие, в которое смог бы пролезть боец в бронескафандре.

– Не смотрите! – велела Воробей. – Слишком ярко. Сетчатку обожжет.

– Хва-Йунг!

– Готово! – сказала механик.

Все обернулись к ней.

Разобранная турель лежала у ее ног. Она вытащила зарядное устройство, и провода от него уходили под дно вагона, к двигателю.

– Слушайте внимательно! – Хва-Йунг постучала по зарядному устройству. – Оно сломано. Когда я его включу, может быть, расплавится и взорвется.

– Рискнем, – кивнул Фалькони.

– Это еще не все.

– Не самый подходящий момент для лекций.

– Слушайте! Айш! – Глаза Хва-Йунг тоже странно блеснули в ослепительном свете термокопья. – Я смогла подключиться к системе питания электромагнитной подушки. Эта штука поднимет нас, но не более того. Ни вперед, ни назад она нас не понесет. Я не смогла добраться до системы, контролирующей направление движения.

– Так как же... – заговорила Нильсен.

– Кира, это твоя задача: отломай по стулу для каждого из нас и выбей окна, тут и тут. – Хва-Йунг показала ей окна по обе стороны вагона. – Когда я включу ток, ты с помощью своего «скинсьюта» потащишь нас вперед, и мы войдем в главный тоннель. Заряда суперконденсатора хватит лишь на то, чтобы удерживать нас на весу ровно сорок три секунды. Мы разовьем скорость примерно двести пятьдесят километров в час относительно стыковочного модуля. И нужно сбросить скорость, а не то нам конец. Единственный способ – высунуть стулья в окно и упереться в стены тоннеля. Использовать их как тормоза. Поняли?

Кира и остальные закивали. Снаружи фонтан расплавленного металла на миг исчез – термокопье достигло пола. Затем вновь возник над капающим надрезом и начал двигаться вправо.

– Упереться надо изо всех сил, – предупредила Хва-Йунг. – Изо всех-всех сил. Иначе при столкновении мы погибнем.

Кира схватила ближайший стул и выдрала его из карданного крепления. Раздался дребезжащий звон, а затем звук повторился еще раз и еще – команда слаженно выкорчевывала сиденья. Быстро обменявшись близковониями с Итари, Кира объяснила инопланетянину, что нужно сделать, и медуза подхватила сразу два стула своими мощными щупальцами.

– Крышесносный план, Унни, – пробурчала Воробей.

Хва-Йунг неуступчиво хмыкнула:

– Сработает, молокосос. Вот увидишь.

– Берегите глаза, – предупредила Кира и, выпустив на волю Кроткий Клинок, выбила окна по обе стороны вагона.

Изнутри свода хлынула волна нестерпимого жара, словно открыли сварочную печь. Фалькони, Нильсен, Вишал и энтрописты попадали на пол, причем Фалькони разразился излюбленным ругательством: «Во имя семи преисподних!»

Термокопье прорезало уже вторую сторону прямоугольника.

– На старт! – скомандовала Хва-Йунг. – Готовность три – два – один...

Пол под Кирой приподнялся на несколько сантиметров, слегка накренился и обрел стабильность.

Она вскинула руки, выбросила из пальцев толстые волокна, сквозь разбитые окна дотянулась до наружных стен. Чужь поняла, что надо делать, и волокна прилипли к стенам, словно паутина, а Кира принялась тянуть. Тяжелый вагон сдвинулся с места, трения как будто не было. С легким шорохом они миновали гермошлюз в конце станции, потом – чуть вниз и влетели в темный тоннель, ведущий к стыковочному модулю.

Ветер с воем бил им в лицо. Если бы не маска, едва ли Кира смогла бы что-то услышать или разглядеть в этом яростном потоке воздуха. И холодно было, но благодаря опять-таки «скинсьюту» она не понимала, насколько холодно.

Кира схватила отломанный стул и высунула его в ближайшее окно. Жуткий скрип стула об стену тоннеля сумел заглушить даже вопли ветра; рой искр, похожий на хвост кометы, полетел внутри тоннеля навстречу Кире. Стул едва удавалось удержать в руках даже с помощью Кроткого Клинка, но Кира сцепила зубы, ухватилась покрепче за спинку стула и продолжала «грести».

Впереди то же самое проделывало Итари, и Кира смутно ощущала, как за ее спиной спутники поднимаются на ноги. Скрежет стал пронзительнее: Нильсен, Фалькони, Вишал, Воробей, энтрописты – все прижимали стулья к стенам тоннеля. Вагон раскачивался и гремел, как отбойный молоток.

Кира пыталась считать секунды, но шум оглушал, и ветер тоже отвлекал ее. Ей казалось, что они вовсе не замедляются. Она еще сильнее налегла на стул, который дергался, вырываясь, как живое существо. Ножки стула уже стерлись напрочь о стену тоннеля. Да и половина сиденья тоже. Скоро у нее в руках ничего не останется.

Медленно – слишком медленно – Кира почувствовала, как убывает ее вес, подошвы начали отрываться от пола. Она закрепилась с помощью Кроткого Клинка и, раскинув в разные стороны волокна, зафиксировала и всех остальных, чтобы они оставались на своих местах и продолжали «грести».

Скрежет стихал, вымпел из искр сделался короче и плотнее, а вскоре искры начали свиваться спиралью, прихотливым узором, и уже не летели прямо им за спину.

Только Кира поверила, что у них все получится, как электромагниты отключились.

Вагон врезался в рельс на внешней стороне модуля с отчаянным воплем, который заглушил скрежет стульев. Маглев встал на дыбы, крыша вагона изогнулась и порвалась, словно тягучая ириска. Итари с развевающимися щупальцами пролетело сквозь ветровое стекло, сзади вспыхнула яркая, как молния, электрическая искра, а затем вагон наполнился дымом.

Заныло, завывало железо, и вагон остановился.

6

Желудок попытался перевернуться вверх тормашками в наступившей невесомости, но в кои-то веки к горлу не подступила желчь. Это вполне устраивало Киру. Ни к чему сейчас было утихомиривать еще и тошноту. Хватило с нее на этот день взрывов, термокопья, крушения маглева. И даже в «скинсьюту» все тело, кажется, покрылось синяками. Итари! Уцелел ли инопланетянин? Без него весь их замысел пойдет прахом.

Двигаясь неуклюже, несмотря на невесомость, Кира отлепила волокна от вагона и от членов экипажа. У Фалькони текла кровь из ссадины на виске. Он утерся запястьем и спросил:

– Все живы?

Вишал застонал:

– Это укоротило мою жизнь на несколько лет, но пока я жив.

– Ага, – буркнула Воробей. – Я тоже.

Нильсен вытряхнула из волос стеклянные осколки, и они полетели сквозь отверстие на месте ветрового стекла, будто облачко хрустальных пылинок.

– Слегка трянуло, капитан.

– Вот именно! – подхватили Веера и Джоррус.

У энтрописта поперек голых ребер появился ряд кровоподтеков, на вид болезненных, но неопасных. Кира перебралась в переднюю часть сломанного вагона и выглянула наружу. В

нескольких метрах впереди висело Итари, цепляясь за рельс. Из скверной раны у основания одного из более крупных щупалец вытекал оранжевый ихор.

[[Кира: Ты как? Ты можешь двигаться?]]

[[Итари: Не тревожься обо мне, Идеалис. Эта форма способна выдержать многое.]]

Из панциря выскочила маленькая костяная рука с клешней и, к ужасу Киры, принялась откусывать раненое щупальце.

– Что за черт! – воскликнула появившаяся рядом с Кирой Воробей.

С поразительным проворством инопланетянин отхватил свое щупальце и оставил его дрейфовать в воздухе в облаке оранжевых капель. И хотя из отверстия панциря торчала огромная свежая культя, кровотечение – вернее, ихоротечение – полностью прекратилось.

Хва-Йунг, закашлявшись, вынырнула из густого дыма, как подводная лодка, всплывающая сквозь темную толщу воды. Она нашла, за что уцепиться, и свободной рукой указала вперед:

– Ближайшая станция магнитной дороги прямо перед нами.

Кира пошла первой, вышибив с помощью «скинсьюта» последние зазубренные осколки ветрового стекла. Она оттолкнулась от вагона, а следом и все остальные, один из другим, высвободились из смятого маглева. Последней вылезла Хва-Йунг; она с трудом протиснулась в пустую раму, но, поднапрягшись, одолела это препятствие.

Хватаясь за поручни на стенах, они поползли по черному, гулкому тоннелю. Чуть впереди замерцал свет. Кира вздохнула с облегчением и направилась к этой путеводной звезде.

Когда они подплыли к станции, автоматические двери в стене открылись и впустили их в холл внутри. Там все остановились, чтобы осмотреться и понять, куда двигаться дальше.

– Где мы? – спросила Кира.

Теперь она заметила широкий порез на правой руке у Вишала, а у Хва-Йунг обе ладони оказались обожжены так, что надувались волдыри. Наверняка это было чудовищно больно, но механик отлично держалась.

– На две остановки проскочили свою станцию, – сказала Нильсен, указывая по ходу вращения кольцевого модуля (хотя вообще-то больше он не вращался).

Теперь процессию возглавила первый помощник, и все остальные потянулись за ней по опустевшим коридорам стыковочного модуля.

Иногда они натыкались на ботов: одни заряжались, воткнув вилку в настенную розетку, другие куда-то неслись по рельсам или же летели, выбрасывая сгустки сжатого воздуха, выполняя многочисленные задачи, необходимые для поддержания жизнедеятельности станции. На Киру и ее спутников никто вроде бы не обращал внимания, но она знала: каждый робот отмечает их местоположение и передвижение.

Внешние палубы оказались загромождены производственным оборудованием. Очистительные установки, которые даже сейчас, несмотря на то, что на станцию напали жути, все еще урчали и стонали, выполняя необходимые операции. Топливные станции, где вода расщеплялась на элементы. Здесь же располагались и склады, доверху забитые стратегическими запасами. И разумеется, множество автоматизированных заводских цехов, где все, от лекарств до пулеметов, производилось в количествах, достаточных не только для нужд постоянного экипажа «Орстеда», но и для всего военно-космического флота.

Несмотря на то что эти глубины станции были безлюдны, Киру охватил страх. Даже здесь раздавался вой сирен, и светящиеся стрелки (меньше и тусклее, чем в главном модуле станции) указывали путь к ближайшему убежищу. Но никакое убежище не могло ее укрыть. Это она уже приняла и признала. Какую-никакую безопасность ей сулил лишь глубокий космос, вдали от людей, но и там ее могли найти жути или медузы.

Они отчаянно спешили, и через несколько минут Фалькони сказал:

– Сюда, – и указал на коридор, который вел наружу.

Это был тот самый коридор, по которому их провели, когда «Рогатка» состыковалась с «Орстедом».

Обнадеженная Кира понеслась дальше по извилистому проходу. После всего, что стряслось на станции, вернуться на «Рогатку» – все равно что вернуться домой.

Гермодверь стыковочного узла скользнула в сторону, и в иллюминатор на дальнем конце Кира увидела...

Черноту.

Пустоту.

И примерно в километре – «Рогатку», стремительно уменьшающуюся в размерах. Позади нее белела реактивная струя маневровых двигателей.

7

Фалькони закричал. Неистовый, нечленораздельный вопль утраты и гнева. Кира почувствовала, как внутри у нее все оборвалось, и ею овладело отчаяние. Она позволила маске соскользнуть с лица.

Проиграли. Прошли через все – и проиграли.

Фалькони метнулся к шлюзу. Приземлился неуклюже, громко выдохнув, но вцепился в перекладину, подтянулся к иллюминатору, прижался лицом к сапфировому стеклу и вперил взгляд в «Рогатку».

Кира отвернулась. Не выдержала. Увидеть Фалькони таким – все равно что застичь человека голым. Слишком откровенным было его горе, слишком безысходным.

– Ага! – сказал Фалькони. – Попалась! Да! Как раз успел поймать!

Он обернулся и лукаво подмигнул друзьям.

– Капитан? – Нильсен подплыла к нему.

Он ткнул пальцем в иллюминатор, и Кира к своему изумлению увидела, что «Рогатка» замедляется, меняет курс и летит обратно к стыковочному узлу.

– Как вы это проделали? – заудела Хва-Йунг.

Фалькони постучал по измазанному кровью виску:

– Прямой визуальный сигнал с моих имплантов. Пока пассивные сенсоры корабля работают – пока он не улетел слишком далеко и находится прямо в поле зрения, – эту связь невозможно заблокировать. В отличие от радиосигнала или сверхсветовой связи.

– Серьезные ограничения, капитан, – заметил Вишал.

Фалькони удовлетворенно хихикнул:

– Да, но сработало же! Я установил систему перехвата управления именно на случай, если у меня захотят угнать «Рогатку». Нет уж, мой кораблик никто не уведет!

– И ты ничего нам не говорил? – пробурчала Нильсен.

Похоже, она была оскорблена, а вот Кира, наоборот, восхитилась такой предусмотрительностью.

Легкомысленная улыбка слетела с лица Фалькони.

– Ты меня знаешь, Одри. Всегда проверяй, где запасной выход. Всегда держи туза в рукаве.

– Угу, – не слишком убежденно отозвалась она.

– Покажи мне руки, – попросил Вишал, добравшись до Хва-Йунг.

Она послушно протянула свои ладони.

– Хм, ну ничего, – сказал врач. – В основном ожоги второй степени. Побрызгаем спреем, чтобы шрамов не осталось.

– Да и анальгетики не помешают, – ответила Хва-Йунг.

Вишал негромко рассмеялся:

– И обезболивающие, само собой.

«Рогатка» уже вернулась. Как только за иллюминатором вырос нос корабля, Веера схватилась за ручку в центре шлюза, пытаясь лучше разглядеть «Рогатку».

– А-а-а! – Вопль завершился бульканьем, энтропистка задышалась. Спина выгнулась так, что затылок едва не касался пяток, все тело оцепенело, только кисти и стопы слегка подергивались. Лицо свела чудовищная гримаса, зубы скрежетали.

Джоррус закричал синхронно, хотя он-то не приближался к шлюзу, и его точно так же скрючило.

– Не прикасайся к ней! – крикнула Хва-Йунг.

Кира не послушалась: она знала, что «скинсьют» ее защитит.

Она обвила несколько щупалец вокруг талии Вееры, одновременно зацепившись за ближайшую стену, и потащила бьющуюся в конвульсиях энтропистку к себе. Сделать это было непросто: Веера с нечеловеческой силой сжимала ручку двери. Наконец Кире удалось оторвать Вееру от двери (про себя она молилась о том, чтобы не повредить энтропистке запястье).

Как только пальцы Вееры выпустили ручку двери, тело ее обмякло, а Джоррус перестал выть, хотя лицо его так и застыло в гримасе невыразимого ужаса.

– Хватайте ее! – велела Нильсен.

Вишал отлепился от стены и поймал рукав куртки Вееры. Затем он обхватил одной рукой талию энтропистки, второй приподнял Веере веко, потом открыл ей рот и заглянул в горло.

– Она выживет, но нужно доставить ее в медотсек.

Джоррус застонал. Он так и сидел, обхватив голову руками, предобморочно бледный.

– Насколько скверно? – спросил Фалькони.

Врач оглянулся тревожно.

– Не знаю, капитан. Нужно следить за сердцебиением. И вероятно, электрошок выжжет импланты. Пока рано судить. По меньшей мере их придется перезагрузить.

Джоррус что-то забормотал, Кира не разбирала слов.

– Подлость какая! – возмутилась Нильсен.

– Они запаниковали, – пояснила Воробей. – На все готовы, лишь бы нас остановить. – И ткнула средним пальцем в сторону станции. – Надеюсь, вам всем задницы поджарят. Слышите меня?

– Это все моя вина, – сказала Кира и указала на свое обнаженное лицо. – Надо было не снимать маску. Тогда я бы увидела, что дверь под током.

– Ты ни в чем не виновата, – возразил Фалькони. – Не вздумай из-за этого казнить. – Он подплыл к Джоррусу. – Эй! Веера выживет, понял? Успокойся, все не так страшно.

– Вы не понимаете, – еле выговорил Джоррус, втягивая в себя воздух.

– Ну так объясни.

– Она – я – мы... – Он принялся ломать руки, и в невесомости это движение повлекло его прочь. Фалькони поймал его, остановил. – Нас больше нет. Нет нас! Нет меня! Все пропало. Все ушло. Ушло. Ушло. А-а-а! – И вновь его речь перешла в невнятное бормотание.

Фалькони встряхнул его:

– Соберись. «Рогатка» уже близко.

Энтропист не реагировал.

– Их ментальный улей разрушен, – вздохнула Хва-Йунг.

– И что? Он ведь не перестал быть самим собой, а?

– Ну...

Веера очнулась с резким всхлипом, дернулась так, что закружилась вокруг своей оси. Прижала пальцы к вискам и завопила. Словно откликаясь ей, Джоррус свернулся в позе эмбриона и захныкал.

– Отлично, – буркнул Фалькони. – Теперь у нас на руках двое психов. Просто замечательно.

Тихо, словно падающее перышко, «Рогатка» замедлила ход и остановилась у шлюза. Послышался лязг стыковочных зажимов, удерживающих нос корабля.

– Кира! – Фалькони махнул рукой. – Будь так добра...

Пока врач успокаивал энтропистов, Кира вызвала маску на лицо и разглядела в двери шлюза ток – широкую синеватого цвета полосу, как будто в ручку загнали молнию. Полоса была широкой и яркой – просто удивительно, как Веера не погибла на месте.

Вытянув пару тонких щупалец, Кира запустила их в дверь и – так же, как в своей камере – перенаправила ток по поверхности Кроткого Клинка.

– Теперь безопасно, – сказала она.

– Потрясающе! – откликнулся Фалькони, но вид у него, когда он потянулся к контрольной панели, был настороженный. Убедившись, что его не бьет током, он расправил плечи и нажал нужные кнопки.

Послышался сигнал, и на контрольной панели загорелся зеленый огонек. Зашипел, выходя, воздух – шлюз открылся.

Тогда Кира убрала щупальца, отозвав Кроткий Клинок, и позволила току течь по прежнему пути.

– Не дотрагивайтесь до ручки, – предупредила она. – Она все еще раскалена.

И повторила предупреждение для Итари.

Фалькони пошел первым. Он подплыл к носу «Рогатки», нажал нужную комбинацию кнопок, и на корабле тоже открылся шлюз. Кира и все остальные следовали за ним по пятам, Вишал одной рукой обнимал Вееру за талию, а Хва-Йунг помогала Джоррусу, который едва мог передвигаться. Замыкало их группу Итари – медуза с изяществом угря скользнула в шлюз.

Тут Киру поразила мысль – ужасная, циничная мысль. Что, если военные ждут именно этого момента, чтобы взорвать стыковочный узел и отправить в открытый космос и ее, и всех ее спутников? Учитывая все, что успели натворить и гражданские власти Лиги, и военные, от такого подозрения трудно было отмахнуться.

Однако все было тихо, герметизация между шлюзами не нарушалась, и, как только последний сантиметр щупалец Итари оказался внутри «Рогатки», Нильсен задрайла люк.

– Сайонара⁵, «Орстед»! – крикнул Фалькони, устремляясь вниз по центральному трапу «Рогатки».

Корабль казался мертвым. Заброшенным. Почти весь свет был выключен, температура упала ниже нуля. Но запахи оставались знакомыми, и это успокоило Киру.

– Морвен! – скомандовал Фалькони. – Включи зажигание и приготовься к вылету. И, черт побери, верни обогрев.

– Сэр! – откликнулся искусственный интеллект. – В протоколе безопасности особо оговорено, что...

– Отмени безопасный режим, – велел Фалькони и быстро произнес длинный код доступа.

– Безопасный режим отменен. Начинаю подготовку к вылету.

Обернувшись к Хва-Йунг, Фалькони попросил:

– Посмотри, не удастся ли тебе разбудить Грегоровича, прежде чем мы сдернем отсюда.

– Да, сэр! – Механик передала Джорруса с рук на руки Воробью и, вылетев в коридор, устремилась в глубину корабля.

⁵ До свидания (*яп.*).

– Пойдем, – сказал Вишал Воробью, унося Вееру в том же направлении. – Нам надо в изолятор. Джоррус, и вам тоже.

Оставив едва живых энтропистов на попечение Воробья и врача, Кира, Нильсен и Фалькони отправились в рубку. Итари потянулось следом, и никто, даже капитан, не возражал против этого.

Войдя в рубку, Фалькони издал возглас отвращения. Десятки мелких предметов летали в воздухе: ручки, две чашки, тарелка, несколько кью-дисков и прочий мусор. Похоже, военные сунули нос во все ящики, шкафы и мусорные корзины и при этом особо не щепетильничали.

– Убрать это! – велел Фалькони, переходя к главной панели управления.

Кира вытянула из Кроткого Клинка сетку и принялась вылавливать мусор из воздуха. Итари остановилось у гермодвери, обмотав себя щупальцами. Фалькони нажал несколько кнопок под панелью управления, свет загорелся ярче, аппаратура включилась. В центре рубки ожил голографический дисплей.

– Отлично! – сказал Фалькони. – Полный доступ.

Он нажал кнопки на рамке дисплея, и появилась карта региона космоса вблизи «Орстеда», на которой можно было определить местоположение и перемещения ближайших кораблей. Четыре мигающие красные точки обозначали врагов – жутей, в тот момент ведущих бой с силами ОВК у Ганимеда. Пятой точкой был отмечен корабль жутей, воткнувшийся во внутренний кольцевой модуль «Орстеда».

«Хоть бы лейтенант Хоус и его морпехи уцелели там, на станции, – подумала Кира. – Они хорошие люди, хоть и подчинялись приказам ОВК и Лиги».

– Похоже, эти жути атаковали станцию и полетели дальше, – заметила Нильсен.

– Они вернутся, – с мрачной уверенностью ответил Фалькони. Глаза его метались взад-вперед – капитан погрузился в дополненную реальность. И вдруг он громко расхохотался: – Ах, чтоб меня!

– Кто бы мог подумать! – подхватила Нильсен.

Кира с тревогой спросила:

– Что такое?

– Вояки заправили нас топливом, – пояснил Фалькони. – Представляешь?

– Наверное, рассчитывали завладеть «Рогаткой» и возить на ней припасы, – проворчала Нильсен.

Фалькони снова хохотнул:

– И «Касабы» нам оставили. Заботливые.

Включилась внутренняя связь, и загремел знакомый голос Грегоровича:

– Ого, вы тут потрудились, куколки мои красивенькие. Мм. Разворошили осиное гнездышко, уж вы сумели. Ну, посмотрим, что теперь делать-то. О да, посмотрим. Хе-хе... кстати, очаровательные мои паразиты, я раскопегарил термоядерный двигатель. Добро пожаловать. – В задней части корабля послышалось негромкое гудение.

– Грегорович, выдерни дроссель, – скомандовал Фалькони.

Почти незаметная пауза, и разум корабля спросил:

– Вы совершенно уверены, о капитан, мой капитан?

– Да, уверен. Выдергивай.

– Рад служить и жизнь мою сложить к вашим ногам, – ответил Грегорович.

Его хихиканье уже не на шутку тревожило Киру.

Садясь в ближайшее кресло и пристегиваясь, она продолжала раздумывать, все ли в порядке с разумом корабля. Военные отключили его от системы, то есть с момента прибытия на станцию Грегорович подвергался почти полной сенсорной депривации. Такое никому не пойдет на пользу, но в особенности мощному интеллекту корабельного разума, и тем более Грегоровичу с его травматическим опытом.

– Что такое дроссель? – спросила она Фалькони.

– Долго объяснять. У нас есть такая штуковина – дроссельная катушка – в термоядерном двигателе, позволяющая опознать «Рогатку», когда он включен. При этом КПД двигателя чуть снижается. Вытащить его – бах! С точки зрения детекторов мы – другой корабль.

– И ты не вспомнил об этом у Жукхи? – возмутилась Кира.

– Никакого проку. Разница в скорости почти незаметная. Сотые доли процента.

– Но это не поможет нам спрятаться от...

Фалькони нетерпеливо махнул рукой:

– Грегорович запустил вирус во все компьютеры, в которые мы посылали регистрационные данные. Создал второй аккаунт с другим именем, другой предысторией полетов и данными двигателя, соответствующими нашему, но без дроссельной катушки. С точки зрения компьютеров вылетит отсюда не «Рогатка». Может, мы им отведем глаза всего на несколько минут, но я хочу использовать все возможности.

– Умно.

– К сожалению, – сказала Нильсен, – использовать этот трюк можно только один раз. Во всяком случае, пока мы где-нибудь не причалим и не установим новый дроссель.

– Под каким же именем мы теперь летим? – спросила Кира.

– «Свиной палец», – ответил Фалькони.

– Ты большой любитель свиней, да?

– Они умные. Кстати говоря... Грегорович, где наши зверюшки?

– Их снова превратили в мохнатые глыбы льда, о капитан. ОВК предпочло вернуть их в крию, нежели кормить и прибирать за ними.

– Экая предусмотрительность.

«Рогатка» содрогнулась, отделяясь от стыковочного модуля, затем прозвучал сигнал перегрузки, включились маневровые двигатели, и «Рогатка» двинулась прочь от военной базы.

– Мы слегка облучим «Орстед», – заметил Фалькони, – но они там сполна заслужили эту дозу радиации.

– И сверх того, – подхватила Воробей, вплывая мимо Итари в дверь.

Она вцепилась в кресло, а инопланетянин закрепился щупальцами на палубе, готовясь к запуску основного двигателя.

На экране появилась голограмма – лицо Вишала.

– У нас в медотсеке все в порядке, капитан. Хва-Йунг тоже здесь.

– Понял. Грегорович, убираемся отсюда ко всем чертям.

– Есть, капитан. Сей момент убираемся ко всем чертям.

Рев двигателей нарастал. Киру вдавило в кресло – «Рогатка» уносилась прочь от станции «Орстед». Радостный смех вырвался у Киры, хотя никто не услышал его в этом шуме. Они справились. Они спаслись. Невозможно было так сразу в это поверить. И теперь, глядишь, им удастся опередить Седьмой флот и использовать единственный шанс человечества заключить мир с медузами.

Прозвучал похожий на колокол сигнал, и радость мгновенно померкла.

Кира с усилием вытянула шею, пытаясь разглядеть монитор (эх, ей бы сейчас контактные линзы!). Голограмма переключилась на вид Сатурна и его окрестностей. Вокруг газового гиганта появилось облако красных точек.

Из сверхсветового пространства выскочили еще четырнадцать жутких кораблей.

Глава IV Необходимость II

1

Итари придвинулось к монитору, цепляясь щупальцами за стол.

– Кира! – настороженно произнес Фалькони.

– Все в порядке, – ответила Кира, надеясь, что не обманывается.

Нильсен увеличила изображение, и Кира наконец увидела, что творится в Солнечной системе. Вдобавок к жутям у станции «Орстед» и к четырнадцати их кораблям возле Сатурна в систему вошли еще десятки вражеских судов. Одни из них на полной скорости летели к Марсу. Другие выскочили у Нептуна и теперь пытались пробить оборонный пояс планеты. А некоторые летели к Земле и Венере.

Яркая линия протянулась поперек голограммы, от искусственного спутника Юпитера к судну жутей. Судно исчезло в яркой вспышке света. Яркая линия кинжалом ударила снова и снова, каждый раз уничтожая очередного противника.

– Что это? – спросила Кира.

– Точно не знаю, – откликнулась Воробей, хмуро всматриваясь в дополненную реальность.

Грегорович хихикнул:

– Я могу объяснить. Да, могу. Лига построила солярный лазер. Энергетические фермы возле Меркурия аккумулируют солнечный свет и направляют его к ресиверам по всей системе. В основном эта энергия используется для производства электричества. Но в случае экзогенного вторжения... сами видите. Закачайте энергию в здоровенный лазер – и получите самый что ни на есть взаправдашний луч смерти. Самый что ни на есть.

– Ловко, – похвалил Фалькони.

Воробей расплылась в улыбке:

– Точно. Местные ресиверы решают проблему световой задержки. Неплохо.

– Нас преследуют? – спросила Кира.

– Пока нет, крошки мои! – сказал Грегорович. – Служивые еще не разгадали, что имечко у нас подложное.

– Так что же такое «Свиной палец»? – задала наконец Кира мучивший ее вопрос.

– Спасибо за вопрос! – с нажимом подхватила Нильсен. И кивнула Фалькони: – Вот видишь?

Уголок его рта слегка дернулся.

– Палец свиньи, что же еще.

– Или свиный палец, – добавила Воробей

На голограмме Вишал приподнял брови:

– Насколько мне известно, так именуется на сленге хот-дог со свиной. – И его лицо исчезло с голограммы: врач отключил связь.

– Значит, мы находимся внутри летающего хот-дога? – уточнила Кира.

Послышалось хмыканье Воробья:

– У нас, морпехов, это выражение использовалось в другом смысле.

– В каком? – поинтересовалась Кира.

– Расскажу, когда подрастешь.

– Хватит болтать! – сказал Фалькони. Он повернулся на кресле так, чтобы видеть Киру. – Ты знаешь о происходящем больше нас, верно? Из-за чего тебе непременно потребовалось спасти медузу?

Кира замерла. Побег со станции – легкотня по сравнению с тем, что ей предстоит сейчас.

– Военные рассказали вам о своем плане?

– Нет.

– Ни слова.

– Ни чертова намека.

– Ладно. – Кира помедлила секунду, собираясь с духом, но прежде, чем она открыла рот, из монитора донеслось неуместно жизнерадостное биканье.

– Станция «Орстед» передает сообщение по всем каналам, – заявил Грегорович. – Говорит полковник Шталь. Я так понимаю, он обращается к тебе, о Шипастая.

– Включи его, – сказал Фалькони. – Послушаем – это же нам вреда не причинит.

– Не уверена, – пробурчала Воробей.

Вместо голограммы Солнечной системы появилось лицо Шталя. Вид у полковника был загнанный, он запыхался, на левой щеке наливался кровоподтек.

– Мисс Наварес, – заговорил Шталь, – если вы меня слышите, заклинаю вас вернуться. Ваш ксеноорганизм слишком важен для Лиги. Вы сами слишком важны. Не знаю, что вы задумали, но, уверяю вас, это не поможет. Вы можете лишь усугубить и без того трудную ситуацию. Если вас убьют, если наши противники завладеют ксеноорганизмом, это, вполне вероятно, погубит всех нас. Вы же не хотите отягощать свою совесть гибелью человечества, Наварес! Я знаю, вы не одобряете принятые решения, но прошу вас – во имя выживания всего нашего рода – вернуться. Обещаю, ни вам, ни экипажу «Рогатки» не будут предъявлены дополнительные обвинения. Даю вам слово.

На том сообщении закончилось, и на мониторе вновь появилось изображение системы.

Кира чувствовала, как все взгляды сосредоточились на ней. Даже Итари уставилось маленькими, как пуговики, глазками, нанизанными по периметру его панциря.

– Ну? – заговорил Фалькони. – Тебе решать. Мы не вернемся, но, если ты скажешь, я готов выключить двигатель на минуту, и ты сможешь выскочить в шлюз, не изжарившись. Уверен, вояки тут же тебя подберут.

– Нет, – отрезала Кира. – Будем держаться вместе.

И она рассказала всем, включая Итари, о плане премьер-министра – предать доверие Узла Умов и напасть на флот медуз.

Воробей фыркнула с отвращением:

– Вот что я ненавидела на военной службе. Проклятая политика.

Кожа Итари пошла зелеными и лиловыми пятнами, щупальца извивались в явном отчаянии:

[[Итари: Если не будет завязан Узел между твоим и моим родам, порченые утопят нас всех.]]

После того как Кира перевела эти слова, Фалькони спросил:

– Что же ты надумала?

Она посмотрела на Итари:

– Я надеялась, что Итари сможет предупредить Узел Умов до того, как туда явятся наши военные корабли.

Она продублировала эту мысль медузе и спросила:

[[Кира: Ты сможешь передать сообщение Узлу Умов с помощью нашего передатчика?]]

[[Итари: Нет. Ваше дальновоние слишком медленное. Оно не достигнет места встречи заранее, чтобы спасти Узел Умов... Седьмая стая, которую послал ваш конклав, не сможет своими силами убить великого Ктейна. Им нужна наша помощь, нужно, чтобы мы возглавили кланы и повели их туда, куда следует. Без Узла Умов ваша стая обречена, и мы все тоже обречены.]]

Отчаяние охватило Киру: она была так уверена в этом плане, и вот он разваливается на глазах. Должен же быть какой-то выход!

[[Кира: Если мы поплывем за Седьмой стаей, сможем ли подобраться достаточно близко к месту встречи, чтобы вовремя предупредить Узел Умов?]]

Розовая рябь пробежала вдоль тела медузы, и воздух наполнился близковонием подтверждения.

[[Итари: Да.]]

Это не решит основную проблему: как заключить мир между медузами и Лигой? Но эта проблема не под силу никому на «Рогатке».

Кира постаралась убрать из голоса все эмоции, пока переводила Фалькони и остальным слова Итари.

Необычным для нее подавленным тоном Воробей ответила:

– Предлагаешь лететь на вражескую территорию. Айш! Если попадемся другим медузам или жутиям...

– Понимаю.

– Шталь ведь прав, – заметила Нильсен. – Мы не можем допустить, чтобы чужь попала в дурные руки. Прости, Кира, но это так.

– Но и сидеть, ничего не делая, тоже нельзя.

Воробей устало потерла лицо.

– В глазах Лиги мы уже преступники, но теперь речь идет о государственной измене. Помощь врагу, сговор с врагом – практически во всем обитаемом космосе это означает смертный приговор.

Фалькони подался вперед и включил переговорное устройство:

– Хва-Йунг, Вишал, приходите в рубку, как только освободитесь.

– Да, сэр.

– Сию минуту явлюсь, капитан.

От тревоги у Киры свело кишки. Вся проблема в Кротком Клинке. Он с самого начала был проблемой, даже в глубоком прошлом. Из-за него погибли миллионы, а то и миллиарды – медуз, людей. Из-за Кроткого Клинка возникла угроза, что жути распространят свое уродство по галактике, вытеснив все прочие формы жизни.

Только это не совсем правда. Не только на Кротком Клинке лежит вина за появление жутей: Кира сыграла свою роль в сотворении прожорливой Утробы. Это ее страхи, ее неразумная ярость навлекли на планеты и звездные системы столько страданий.

Застонав, Кира закрыла руками лицо, впилась ногтями в скальп, боль в проколотой коже сравнялась с болью внутри. Чужь, похоже, растерялась: Кира чувствовала, как «скинсыют» затвердевает вокруг нее, словно готовясь отразить нападение.

Если б избавиться от Кроткого Клинка! Насколько все стало бы проще. Тогда у них появился бы выбор. Узел Умов столько столетий прятал чужь, спрячет и на этот раз.

Снова из груди Киры вырвался стон. Не было бы Кроткого Клинка – Алан остался бы жив и еще многие, многие. Все, чего она хотела – все, чего она хотела с тех пор, как заразилась инопланетным паразитом, – обрести свободу. Свободу!

Она отстегнула пряжку ремня безопасности, вытолкнула себя из кресла и встала. При перегрузке в 2,5g «скинсьют» позволил ей стоять прямо, но руки повисли свинцовыми гирями, колени и стопы запульсировали. Плевать!

– Кира... – окликнула ее Нильсен.

Кира завизжала. Так она орала, когда поняла, что Алан мертв. Она орала, она широко распахнула руки и пустила в ход все, что усвоила, тренируясь с Кротким Клинком, – каждую частицу нелегко давшегося ей мастерства, приобретенного в долгие одинокие месяцы сверхсветовых перелетов, – все пустила в ход, пытаясь стряхнуть с себя чужь. Ее гнев, и скорбь, и разочарования слились в едином, первичном желании.

Чужь рванулась вперед. Шипы и неровные мембраны распространялись во всех направлениях, вибрируя под натиском сознания и эмоций Киры. Но ей удалось мысленно сдерживать их распространение, чужь выбрасывалась вовне так, чтобы не сделаться угрозой для других.

Все равно рискованно.

В зазоры между этими агрессивными выступлениями она видела, как «скинсьют» становится тоньше, отступает, а потом ее обнаженной кожи коснулся воздух – сухой, холодный. Шокирующе интимное прикосновение. Кожа пошла мурашками, обнаженные участки увеличивались, островки бледной наготы среди зазубренной тьмы.

В проходе скорчилось Итари. Выставило щупальца, словно прикрывая свой панцирь.

Кира толкала, толкала, вынуждая чужь отделиться, и наконец лишь несколько похожих на мышцы полос соединяли ее с ней. С десятков волокон и больше ничего. Кира сосредоточилась на них, попыталась заставить их отделиться. Побуждала их отделиться. Гневно требовала, чтобы они отделились. *Приказывала* им отделиться.

У нее на глазах эти «мышцы» съжились, но они отказывались исчезнуть совсем. И разум тоже ощущал, как сопротивляется Кроткий Клинок. Он отступал, отступал до известного предела – и далее ни сантиметра. Еще немного, и они бы разделились, а этого Кроткий Клинок допустить не желал.

В ярости Кира поднажала еще сильнее. Зрение померкло на периферии, выключилось от такого напряжения, на миг ей показалось, что она лишится чувств. Но она оставалась на ногах, и Кроткий Клинок все еще защищал ее. От него исходили странные мысли, смутные, едва понятные, они червями точили ее мозг, поднимаясь из глубины к верхним слоям сознания. Такие, как: *разделение нельзя осуществлять против правил. И: Время вышло из колеи. И: Многоплотяные захватчики все еще голодны, а поблизости нет хранилища. Сейчас разделение недопустимо.*

Пусть слова были странные, но суть их была ясна. Кира выла и боролась с Кротким Клинком, безоглядно расходуя силы, вычерпывая их до дна. Последняя попытка избавиться. Последний шанс освободиться и вернуть хоть что-то из утраченного. Но Кроткий Клинок держался упорно, и если даже сочувствовал ей, если сожалел о ее муках или о том, что вынужден ей противиться, – этого Кира никак не могла узнать. От чужь исходило лишь ощущение безусловной цели и удовлетворенное знание, что их союз нерасторжим.

И впервые с тех пор, как погиб Алан, Кира сдалась. Вселенная полна вещей, которые ей неподконтрольны, и чужь, видимо, принадлежит к их числу.

Со сдавленным криком она прекратила бороться и рухнула на четвереньки. Бесшумно, как сыплется песок, Кроткий Клинок вновь прихлынул к ней, и Кира перестала ощущать прикосновение холодного воздуха везде, кроме лица. Она все еще ощущала палубу под собой, и искусственный ветерок внутри корабля щекотал ее поясницу, но просочившись сквозь искусственную оболочку «скинсьюта». А еще Кроткий Клинок приглушал любой дискомфорт, так что холодный твердый пол под ее коленями казался удобным и теплым.

Кира крепко зажмурилась, из уголков глаз выдавились слезинки, дыхание прерывалось.

– Силы небесные! – воскликнул Вишал, появляясь в дверном проеме. Он кинулся к ней, обхватил ее рукой. – Мисс Кира, как вы?

– Я в порядке. – Ей удалось выдавить из себя эти слова, несмотря на ком в горле.

Она проиграла. Старалась изо всех сил, но сил не хватило. И теперь ей не осталось ничего, кроме голой необходимости. «Голоя необходимость» – так говорила Инарё, и она была права. Ох, до чего точно сказано! Словно черная проволока, обматывающаяся вокруг, вокруг, удушающая...

– Точно в порядке? – спросил Фалькони.

Кира кивнула, не глядя на него. Слезы упали ей на запястья. Не холодные. Не теплые. Просто влажные.

– Да! – Она со свистом втянула в себя воздух. – Точно.

2

Как раз когда Кира поднялась на ноги и вернулась в кресло, по коридору протопала Хва-Йунг. Похоже, перегрузки нисколько ей не мешали. Напротив, механик двигалась с естественной легкостью, хотя, как Кире было известно, перегрузка на корабле сейчас превышала силу тяжести на Шин-Заре.

– Я так понимаю, от чужих нам не избавиться, – подытожил Фалькони.

Кира не сразу ответила: сначала нужно было уверить Итари, что она в порядке. Потом согласилась:

– Наверное, ты прав.

– Прошу прощения, капитан, – вмешался Вишал. – Но что мы собираемся обсуждать? Надо решить, куда нам лететь, да?

– Да, – сдержанно-угрюмым тоном ответил Фалькони. Несколькими сжатыми фразами он обрисовал ситуацию врачу и Хва-Йунг. – Я хочу знать, способна ли «Рогатка» на очередной дальний перелет, – закончил он.

– Капитан... – попыталась что-то сказать Нильсен, но Фалькони остановил ее взмахом руки:

– Для начала нужно разобраться, какие у нас есть возможности. – Он кивнул Хва-Йунг. – Итак?

Механик с минуту жевала нижнюю губу:

– Ох, нужно промыть все трубы, проверить термоядерный и марковский двигатели... Запасы воды, воздуха и пищи почти не израсходованы, но, если нам предстоит долгий путь, лучше бы их пополнить. Хм... – Она снова прикусила губу.

– Нам это по силам? – уточнил Фалькони. – Трехмесячный сверхсветовой перелет, туда и обратно. Накинь сверх криосна еще три недели бодрствования для верности.

Хва-Йунг коротко кивнула:

– Все это нам по силам, но я бы не советовала.

У Фалькони вырвался смех:

– Все, что мы проделывали в последние годы, подпадает под категорию «я бы не советовала». – Он оглянулся на Киру. – Вопрос в другом: *надо* ли?

– Никакой прибыли нам это не сулит. – Воробей подалась вперед, упираясь локтями в колени.

– Не-а... – протянул Фалькони. – Не сулит.

Заговорила Нильсен:

– С большой вероятностью, нас убьют. А если не убьют...

– Казнят за измену, – подхватил Фалькони, колупая заплату на штанине. – Да, несомненно.

– Что же вы предлагаете? – тихо спросила Кира. Она понимала опасность момента. Стоит пережить – и никого уговорить не удастся.

Сначала никто не отвечал. Потом Нильсен сказала:

– Мы могли бы доставить Трига в надежное медицинское учреждение где-нибудь за пределами Лиги.

– Но твоя семья здесь, в Солнечной системе, верно? – напомнила Кира. Молчание старшего помощника было достаточно выразительным ответом. – И ваша тоже, Вишал.

– Да, – сказал врач.

Кира обвела взглядом всех собравшихся:

– У каждого из нас есть близкие. И все они в опасности. Мы не можем просто сбежать и спрятаться. Не можем.

Хва-Йунг что-то пробормотала, соглашаясь. Фалькони упорно глядел вниз на свои переплетенные пальцы.

– Берегись соблазнов ложной надежды, – прошептал Грегорович. – Противься им и ищи подтверждения в иных источниках.

– Тише! – цыкнула на него Нильсен.

Фалькони задрал голову к потолку и почесал снизу подбородок. Скрип ногтей по отросшей щетине внезапно показался оглушительным.

– Спроси от меня Итари: если мы предупредим Узел Умов, сохранится ли надежда заключить мир между медузами и людьми?

Кира перевела вопрос, и инопланетянин ответил:

[[Итари: Да. Но если Узел будет рассечен, могучий и жестокий Ктейн будет править нами до конца этой Волны на погибель всем.]]

Фалькони снова фыркнул:

– Угу. Так я и думал. – Он развернулся к Кире, насколько позволял ремень безопасности. – Ты полетишь?

Вопреки страху, она ощутила и восторг при мысли вновь проникнуть в неведомое.

– Полечу, – кивнула она.

Фалькони оглядел рубку, поочередно всматриваясь в каждого члена экипажа:

– Ну? На чем порешим?

Воробей скорчила гримасу:

– Мне не очень-то по душе выручать вояк после того дерьма, в которое они нас окунули, но... ну да. Какого черта! Давайте смогаемся туда.

Вишал тяжело вздохнул и поднял руку:

– Мне не хочется, чтобы эта война продолжалась. Если в наших силах сделать что-то, чтобы положить ей конец, думаю, надо это сделать.

– Куда она, туда и я, – заявила Хва-Йунг и опустила руку на плечо Воробья.

Нильсен заморгала – Кира не сразу поняла, что первый помощник пытается скрыть слезы. Шмыгнув носом, она кивнула:

– Я тоже голосую за.

– Как насчет энтропистов? – напомнила Кира.

– Они не в состоянии принимать решение, – сказал Фалькони. – Но спросить я спрошу.

Его взгляд померк – капитан переключился на дополненную реальность. Губы его слегка шевелились, беззвучно диктуя текст. В рубке воцарилось молчание.

«Наверное, он общается с энтропистами через монитор в медотсеке, поскольку их импланты сгорели», – подумала Кира. Она воспользовалась перерывом, чтобы ознакомить Итари с принятым решением. Постоянный двусторонний перевод слегка ее утомил. Также

Кира глянула на голограмму и с облегчением убедилась, что их пока никто не преследует. Однако жутям удалось уничтожить ближайший ресивер солнечной энергии.

– Итак, – сказал Фалькони. – Веера говорить не может, но Джоррус голосует за. Летим. – Он еще раз взгляделся в каждого. – Все согласны. Значит, договорились. Грегорович, задай курс к месту встречи, которое указала нам Щеттер.

Разум корабля фыркнул – необычно нормальный звук для этого безумца. И сказал:

– А про меня забыли? Или мой голос не учитывается?

– Разумеется, учитывается! – нетерпеливо ответил Фалькони. – Давай голосуй.

– Итак, раз вы столь любезны, что спросили мое мнение, – судя по тону, Грегорович вновь колебался на грани между нормальностью и сумасшествием, – я голосую ПРОТИВ.

Фалькони закатил глаза:

– Мне очень грустно это слышать, Грегорович, но мы уже приняли решение большинством – семеро против одного. Задай курс и вытащи нас скорее отсюда.

– Нет, так не пойдет.

– Что ты сказал?

– Сказал, что не стану этого делать. Вроде бы тут все понятно, о капитан, мой строгий капитан, мой непредвиденный капитан? – И Грегорович захихикал и хихикал, пока этот звук не перерос в неуправляемый хохот, разнесшийся по коридорам «Рогатки».

Ледяной ужас охватил Киру. Разум корабля и раньше был нестабилен, но теперь он окончательно рехнулся, и все они в его власти.

3

– Грегорович! – попыталась вмешаться Нильсен.

– Я возражаю, – прошептал разум корабля, внезапно оборвав смех. – Решительно возражаю. Я не потащу вас туда – о нет, – и что бы вы ни говорили и что бы вы ни делали, это не поколеблет моей решимости. Гладьте меня по головке и расчесывайте мне волосы, украшайте шелковыми ленточками и кормите отборной хурмой – я не отменю, не отзову, не отрекусь и никоим образом не откажусь от моего решения.

[[Итари: Что происходит?]]

Кира объяснила, и медуза позеленела, как человек, которому стало дурно.

[[Итари: Ваши корабельные разумы так же опасны, как скрытые течения.]]

Фалькони выругался:

– Да что с тобой, Грегорович? Нет времени рассусоливать. Я отдал приказ. Меняй маршрут, черт тебя подери.

– Нет, не стану. О нет, не смею.

Капитан хлопнул ладонью по приборной доске:

– Что, серьезно? Ты ничего не имел против, когда мы отправлялись к Жукхе, а теперь ты вздумал бунтовать?

– Тогда смертельная угроза не достигала такой высокой вероятности. Рассчитанные риски оставались в пределах терпимого – с учетом имевшейся информации. Вы не планировали оказаться в гуще боевого сражения. А теперь я такого не допущу. Нет, ни за что.

Судя по интонациям корабельного разума, он считал, что действует совершенно правильно.

– Но почему? – спросила Нильсен. – Чего ты так боишься?

Вновь это слабоумное хихиканье.

– Вселенная пошла вразнос, чертово колесо раскрутили до предела. Повсюду тьма и пустота. И что теперь имеет значение? Тепло дружбы, свет человеческой доброты. Триг лежит при смерти, замороженный в глыбе льда, и я не допущу, чтобы наш экипаж понес новые потери. Нет, я этого не допущу. Если мы ринемся в гущу схватки между медузами и жутиями, когда Седьмой флот рыщет вокруг, неся горе и бедствия, скорее всего мы встретим свой рок в облике того или иного корабля, который обрушит на нас ярость жестокой судьбы, не смягченную ни жалостью, ни милосердием, ни толикой человеческого разума.

– Я тебя понял, – сказал Фалькони. – А теперь приказываю развернуть корабль.

– Не могу, капитан.

– То есть не хочешь.

Грегорович вновь испустил низкий и протяжный смех:

– Неспособность – с молоком ли впитана или внутри воспитана? По мне, что в лоб, что по лбу.

Фалькони обернулся к Нильсен, и Кира уловила тревогу на его лице.

– Ты слышал, что сказала Кира. Если не предупредим Узел Умов, потеряем единственный шанс заключить мир с медузами, возможно, наш единственный шанс победить жутей. Ты этого добиваешься?

И снова этот длинный басовитый смех.

– Когда непоколебимая сила хочет сдвинуть непреодолимый камень, вероятный исход вычислить невозможно. Всех ресурсов компьютера для этого не хватит. Статистические факторы умножаются бесконтрольно.

– Ты хотел сказать – непреодолимая сила хочет сдвинуть непоколебимый камень, – поправила Нильсен.

– Я всегда хочу сказать то, что хочу.

– Но не получается?

Воробей издала странный звук.

– Кажется, ты пытаешься высокопарно передать простую мысль: ты не знаешь, чем все кончится.

– Ага! – сказал Грегорович. – В том и дело. Никто из нас этого не знает, и я спасаю вас от Неопределенности с большой буквы, воробушки мои. О да, я вас спасаю!

– Ладно, с меня хватит этого нахальства, – заявил Фалькони. – Не хотелось мне это делать, но ты не оставил мне выбора. Код доступа четыре-шесть-шесть-девять-так-то-вот. Авторизация: Фалькони-альфа-браво-браво-виски-танго.

– Простите, капитан, – отозвался Грегорович, – неужто вы в самом деле рассчитываете, что это сработает? Вы не можете насильно отделить меня от системы. «Рогатка» моя, в первую очередь моя, а потом уж ваша. Плоть от моей плоти и прочая чушь. Примите поражение достойно. Мы летим к альфе Центавра, а если и там настигнет угроза, найдем тихую гавань на краю обитаемого мира, куда не проникнут назойливые щупальца инопланетян. О да, мы летим туда.

Он еще разглагольствовал, когда Фалькони ткнул пальцем в Хва-Йунг и бесшумно щелкнул пальцами. Механик кивнула, отстегнула ремень и быстрым шагом направилась к двери.

Дверь захлопнулась перед ней и с громким щелчком заперлась.

– Мисс Сонг, – заворковал разум корабля, – мисс Сонг, куда это вы? Знаю-знаю все ваши штучки и фокусы. Не пытайтесь меня обмануть: можете хоть тысячу лет тужиться, все равно меня не перехитрить. Мисс Сонг, мисс Сонг, ваша песенка спета. Оставьте свои бесчестные намерения – нет никаких сюрпризов в ваших мотивах, совсем никаких.

– Живо! – приказал Фалькони. – Панель управления. Может быть...

Хва-Йунг развернулась и поспешила к одной из панелей доступа под пультами управления рядом с голографическим монитором.

– А как насчет меня? – вмешалась Кира. Она не знала, что собирается делать механик, но отвлечь Грегоровича казалось неплохой идеей. – Меня ты тут не удержишь. Прекрати, или я разломаю контейнер, где хранится твой мозг, и повыдираю провода.

Стоило Хва-Йунг коснуться панели управления, как оттуда посыпались искры. Механик взвизгнула, отдернула руку и схватилась за запястье. Ей явно было больно.

– Ублюдок! – взвыла Воробей.

– Только попробуй, – прошептал разум корабля, и «Рогатка» завибрировала. – Ты только попробуй. Да и никакой пользы от этого вам не будет. Я установил автопилот, и уж его-то вы никакими силами не отключите, даже если обесточите мейнфрейм и перенастроите его на...

Лицо Хва-Йунг потемнело, сквозь стиснутые зубы вырвалось громкое шипение. Механик вытащила из привешенного к поясу мешочка тряпку, обернула руку поверх бинта, защищая пальцы. И снова потянулась к панели управления.

– Дай я... – сказала было Кира, но механик уже открыла панель и ковырялась внутри.

– Со-онг, – заворковал Грегорович. – Что это ты делаешь, прекрасная Сонг? Корни мои залегают глубоко. Ты не сможешь вырыть и вытащить меня – ни тут, ни там, ни с помощью тысячи ботов с тысячей лазерами. На «Рогатке» я вездесущ и всеведущ. Аз, единый, емь слово, воля и путь. Оставь свои бессмысленные, жалкие хлопоты и смирись...

Хва-Йунг дернула за что-то под панелью, сигнальные лампочки замигали, из динамиков послышались электрические щелчки – голос Грегоровича пропал – и половина индикаторов на стене погасла.

– Ты ошибся, – сказала механик.

4

Миг все растерянно молчали.

– Черт! Ты цела? – опомнилась Воробей.

– Я в порядке, – буркнула Хва-Йунг.

– Что ты сделала? – требовательно спросил Фалькони, и в его голосе гнев на Грегоровича смешался с тревогой: не повредила ли механик разум корабля и сам корабль.

– Отделила Грегоровича от компьютера, – объявила Хва-Йунг, распрямляясь и потирая пострадавшую руку.

– Как? – настаивал Фалькони.

Кира тоже хотела бы это знать. Грегорович ведь сказал правду: корабельный разум настолько тесно переплетен со всеми структурами корабля, что отделить его не проще, чем извлечь живое, бьющееся сердце и при этом не убить пациента.

Хва-Йунг опустила руки.

– Грегорович очень умен, но некоторые вещи в «Рогатке» непонятны даже ему. Он знает, как проходят провода, а я знаю, где трубы, в которые засунуты провода. Айш! Вот такая труба. – Она покачала головой. – На всех силовых линиях стоят механические прерыватели на случай высокого скачка напряжения. Такой переключатель можно активировать из рубки или из штормового убежища. – Хва-Йунг пожала плечами. – Все просто.

– То есть он полностью отрезан от реальности? – вмешалась Нильсен. – Один в темноте?

– Не совсем, – сказала Хва-Йунг. – У него в контейнер встроен свой компьютер. Все, что загружено в этот компьютер, доступно ему.

– Слава богу! – вздохнул Вишал.

– Но связаться он ни с кем не может? – продолжала Нильсен.

Хва-Йунг снова покачала головой:

– Ни по радио, ни по переговорному устройству. – И добавила: – Мы сможем поговорить с ним, если захотим. Надо подключиться снаружи к его контейнеру, но очень осторожно: стоит ему получить доступ к системе, и он попытается снова перехватить контроль над «Рогаткой».

– Да уж, ему несладко, – посочувствовала Воробей.

Кира мысленно согласилась с ней. Грегорович будет в ярости. Вновь оказаться пленником в ванне с питательным раствором и без связи с внешним миром – для него это худший кошмар наяву. Ей стало не по себе.

– Какое мне дело, сладко ли ему? – проворчал Фалькони и провел рукой по волосам. – Сейчас главное – обратиться из Солнечной системы, пока нас не сбили. Сможешь задать новый курс?

– Да, сэр.

– Так вперед. Запрограммируй случайные прыжки. Трех будет достаточно.

Хва-Йунг вернулась в кресло и сосредоточилась на дополненной реальности. Минуту спустя прозвучал сигнал, предупреждающий о наступлении невесомости, и ощущение давящего веса исчезло – термоядерный двигатель отключился.

Кроткий Клинок удерживал Киру в кресле, пока «Рогатка» разворачивалась. Конечно, чужь заботилась о ней. Она такая внимательная. Беспокоится о ее безопасности и благополучии. Лишь того, чего Кира больше всего хочет, от нее не добьешься. Прежняя ненависть к паразиту кипела в ней, душа сочилась ядом. Но какой прок в ненависти? Эта ненависть слаба, бессильна, Кира ничего не может сделать с чужью – вообще ничего, – как Грегорович не мог ничего сделать, чтобы освободиться из темницы своего разума.

– Сколько осталось до прыжка в сверхсветовое? – спросила Кира.

– Тридцать минут, – сказала Хва-Йунг. – Улучшения, которые сделало Итари, еще работают. Мы выпрыгнем быстрее, чем если бы у нас их не было.

[[Итари: Идеалис?]]

Кира ввела медузу в курс последних событий, и болезненно-зеленый цвет ее щупалец сменился естественным для Итари здоровым оранжевым.

– Прямо гирлянда какая-то, – проворчала Воробей, указывая на Итари. – Кто бы мог подумать, что они такие пестренькие.

Киру порадовало, что экипаж легко смирился с присутствием медузы. Она и сама привыкла к Итари.

«Рогатка» завершила поворот, Киру вдавило в палубу – двигатели заработали, унося корабль к другой точке марковского предела.

5

За полчаса экипаж подготовил «Рогатку» к сверхсветовому перелету, а себя – к очередному криосну. В идеале требовался больший перерыв, ведь каждый цикл криосна сказывался на физическом состоянии человека. Но не беда, годовой лимит они еще не исчерпали. В корпорации «Лапсанг» допускалось два месячных криосна в квартал, но Кира знала, что и в частных поездках, и в военных экспедициях эти ограничения часто нарушаются, хотя и не без последствия для здоровья.

Одно хорошее известие они успели получить до отбытия. Вишал ворвался в рубку с улыбкой до ушей и обратился ко всем сразу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.